Музыка пчел

Автор:
Эйлин Гарвин

Музыка пчел

Эйлин Гарвин

Это не городок – это настоящий пчелиный улей. Все вокруг жужжат и суетятся. Здесь, как водится, полно трутней, но есть и трудолюбивые жители. Так, Джейк – когда-то веселый малый, обладатель самого высокого ирокеза в истории школы, теперь сломлен. Несчастный случай разрушил его жизнь, и парень не представляет, что делать дальше. Гарри – неудачник, на которого всем плевать. Он перебивается с хлеба на воду, смиренно принимая удары судьбы, которая не особо с ним церемонится. Алиса – разочарованная в жизни хозяйка пасеки.

Пчелы, пожалуй, единственные создания, приносящие ей хоть какую-то радость. На людей уже надежды нет. И так сложилось, что пчелам в этой истории действительно отведена особая роль…

Но неужели рой удивительных созданий и странная троица способны свернуть горы? Да, может быть, этому трио не под силу спасти весь мир, но спасти друг друга они точно в состоянии!

Эйлин Гарвин

Музыка пчел

EILEEN GARVIN

THE MUSIC OF BEES

This edition is published by arrangement with The Friedrich Agency and The Van Lear Agency

Серия «В ожидании чуда»

Перевод с английского Марии Рухаленко

Оформление обложки Екатерины Елькиной

© Eileen Garvin 2021

© Рухаленко М., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Всем непокоренным созданиям

и тем, кто их любит

1

Ориентировочный облет

Если считающие, что новая колония состоит исключительно из молодых пчел, которые были вынуждены мигрировать из-за старых, исследуют этот рой, то обнаружат, что часть его весьма потрепана, а часть молода настолько, что едва может подняться в воздух.

«Лангстрот об улье и медоносной пчеле,

руководство для пчеловода» 1878 года

У Джейкоба Стивенсона был самый высокий ирокез за всю историю старшей школы «Худ Ривер Вэлли». Насчет этого он был уверен еще до того, как это официально зафиксировали в ежегодном альбоме. Там на его голове возвышался настоящий черно-синий шедевр – сорок два сантиметра в высоту. Ну почти сорок два, больше тянет на сорок один и одну третью сантиметра, – но все-таки достаточно высокий, чтобы завистники не возникали. Джейкоб растил его целых полгода, разделяя на четыре шипа; нужной длины тот достиг только в прошлом году, перед весенними экзаменами.

Этим утром он критично осмотрел себя в зеркале и испытал немалое удовольствие от того, что ему удавалось поддерживать ирокез уже больше года, несмотря на непредвиденные трудности. С ирокезом ты всегда борешься против притяжения – и в какой-то момент, конечно, проигрываешь. Надо быть реалистом. Главное – сохранять максимальный объем на протяжении дня. Поникший ирокез – страшный конфуз, особенно для парня восемнадцати лет. Для поддержания прически Джейкоб испробовал множество средств – яичный белок, воск для укладки бороды, лак для волос и даже какой-то клей по дереву (и вот от этого было хуже всего). В конце концов он пришел к выводу, что лучше всего подходит смесь самого твердого воска и профессионального спрея для волос.

Вечером перед весенним концертом их джаз-группы Ной Кац снял с него официальные мерки. Они тогда оба были в черных смокингах, которые джазисты «Худ Ривер Вэлли» донашивали друг за другом последние двадцать лет. Джейкоб считал, что его волосы чудесно оттеняют пудрово-голубой пояс и бабочку. Он позировал Ною со своей трубой, а тот не переставал хихикать, наводя на него телефон, который в его лапище казался просто крохотным. Щеки

Ноя тряслись от смеха:

– Улет, Стивенсон!

Кац был простой и добродушный парень. Они подружились еще в пятом классе, в школе «Мэй Стрит Элементари», где тоже играли в группе – Джейкоб на трубе, Ной на тромбоне. У Ноя ирокеза не было. Но у него были совершенно сумасшедшие кудряшки, которые он называл «моя проблемка». В отличие от Джейкоба, он и не пытался заставить свои волосы бороться с гравитацией, а позволял им лежать как заблагорассудится – в основном чтобы досадить матери.

– Держитесь, дамы! – пропел он, разворошив свою шевелюру так, что она стала напоминать пушистый одуванчик и щелкнув заодно и самого себя. Потом они с Джейкобом завалились в пикап Ноя и рванули через весь город к школе. Как и обычно, они опоздали, и мистер Шафер взбесился, но он как будто бы всегда искал причину на них наорать, так что ничего особенного тут не было.

Воспоминания об этом вечере всегда вызывали у Джейкоба улыбку. Он повернул голову направо, потом налево. Череп у него был гладко выбрит, но на обоих висках то там, то тут начала пробиваться щетина. Он повернул кран над раковиной, смочил махровое полотенце для рук в теплой воде и провел им по голове. Выдавив на ладонь мягкое облачко пены для бритья, он похлопал по щетине. Белая пена безлико пахла лимоном, как в какой-нибудь лечебнице, и его слегка затошнило. Он вдохнул через рот и взял бритву.

Ирокез воспитывает в тебе дисциплину. Нужно сперва помыть волосы (или по крайней мере, намочить их), расчесать, распределить воск по всей копне, поделить ее на секции, высушить под мощным феном и уложить лаком как надо, а затем сбрить щетину по бокам. В жаркие дни (а сегодня был именно такой) приходилось попотеть. Времени на все это уходило немало, но с этим все было ок. Времени у него теперь завались. Потратить два часа на прическу – раз плюнуть.

Мысль об этом ударила его под дых, как часто бывало, когда он по утрам сидел перед зеркалом. Короткие черные волосики на его черепе стояли под белой пеной твердо и уверенно, в отличие от него самого, Джейкоба Стивенсона, – или Джейка, как его звали все, кроме родителей. Джейк нервно сглотнул. Все это было так тупо – и ирокез, и поставленный благодаря ему рекорд: чему тут

вообще удивляться, пусть у него и самая высокая за всю историю старшей школы «Худ Ривер Вэлли» прическа. Джейк наверняка в принципе единственный, у кого когда-либо был ирокез в этом фермерском городке, где панков – ищи свищи, а ковбоев – хоть отбавляй. Ну еще это было тупо потому, что больше он не ходил в ту школу, вроде как выпустился оттуда в прошлом году. Но в основном это было тупо потому, что стало единственным, чем он занимался каждый божий день – уложить, черт возьми, волосы, – раз уж визиты к врачу постепенно прекратились, а на сеансы физиотерапии он теперь ходил только раз в месяц, у него было все время мира, чтобы провести остаток своей жизни в инвалидной коляске.

Джейк оттолкнулся от зеркала и посмотрел на свое тело – худое, развитое только в груди и плечах. Ноги выглядели почти так же, как и раньше, но время от времени ему казалось, что они принадлежат кому-то другому.

«Вроде как» выпустился он из-за коляски. Администрация школы отправила аттестат родителям Джейка по почте, пока тот лежал в портлендской больнице в ста километрах от дома. Все учителя поставили ему проходной балл, хотя по паре предметов это было прям щедро, – типа по физ-ре, вместо которой они с Ноем шли домой баловаться травкой перед обедом. Короче, Джейк перестал ходить в спортзал еще до рождественских каникул, но как выяснилось, даже мистер Маккена не настолько урод, чтобы завалить по физ-ре ученика, который проведет остаток своей жизни с параличом нижних конечностей. Ну хоть так, че.

Мать сообщила, что ему все-таки дадут аттестат, почти сразу же, когда он еще был под кайфом. Все это время она практически не вставая просидела рядом с его кроватью, бормоча, что Бог за ним присмотрит, и перечисляя всех, кто позвонил справиться о его здоровье – учителя, соседи, знакомые из церкви, даже почтальон. Часть этих имен была ему незнакома, но он не стал ничего говорить, чтобы ее не обидеть. Перед ним она старалась не плакать, но глаза за стеклышками очков в розовой оправе у нее были опухшие. Ненадолго ее лицо просветлело только тогда, когда она упомянула церемонию вручения аттестатов – до нее на тот момент оставалось еще несколько недель.

– Мы так гордимся тобой, милый, – сказала она. – Твое имя будет в программе. Они попросили Ноя получить аттестат от твоего имени, так как ты не сможешь…

Ее голос задрожал, и она замолчала.

Джейк поморщился, лицо исказила гримаса.

– Так как я не смогу ходить, ты хочешь сказать?

Он принялся отрывисто смеяться, и каждый вырывавшийся смешок походил на лай. Это все наркоз, подумал он, но, конечно, дело было не только в этом. Джейк хохотал от самого слова «ходить», которое теперь приобрело совсем иное значение – теперь, когда он потерял ноги, свои молодые сильные ноги, которые катались на скейтборде, бегали и карабкались по скалам, ноги, которые он принимал как должное каждый день своей никчемной жизни вплоть до того момента, когда вдруг перестал ими пользоваться. Он не смог остановиться, даже когда мать спрятала лицо в ладонях и разрыдалась.

Каким же он был придурком, подумал он, смотря в зеркало. Подъехав поближе, он заметил, как сильно похудел за это время.

Еще Джейк смеялся потому, что слово «ходить» напомнило ему о мясистом злобном лице Эда Стивенсона – своего отца.

– Меньшее, что ты можешь сделать, – это донести свою ленивую задницу до вручения, – как-то сказал Эд. – Восемнадцать лет исполнится, получишь от нас свою ложку с вилкой и катись куда хочешь.

Это было последней зимой перед выпуском, когда Джейк пришел к выводу, что оценки не имеют никакого значения, раз он лишился стипендии в музыкальном колледже, и, судя по всему, вообще может не закончить школу.

– Не беспокойся обо мне, Эд, – ответил Джейк.

С начала старшей школы он начал называть отца по имени, потому что его это ужасно бесило.

– Я свалю так быстро, что ты даже не заметишь.

Поняв, что мечта учиться в музыкальной школе все же от него ускользнула, Джейк решил переехать в Портленд. Он рассчитывал, что сможет поработать в магазине пластинок или кофейне где-нибудь рядом с клубами на востоке

города. Подробно пока ничего не планировал, но не может же такого быть, чтобы в таком громадном городе не нашлось работы?

Но теперь он повредил позвоночник, а значит, его ленивая задница была прочно прикована к родительскому дому. В ближайшее время переездов ему не светило, и никто, включая Эда, не мог с этим ничего поделать.

Он провел пальцами по правой стороне черепа, протер кожу полотенцем и принялся вести бритвой по левой. От скрипа, который издавало лезвие, внутри было одновременно очень хорошо и как-то тошно.

Его отец был одним из шести строителей, работавших на «Клэар Констракшн», – а значит, часто задерживался на работе по будням, как сегодня например, и эти длинные и приятно одинокие часы приносили Джейку облегчение. На выходных было сложнее: Эд укладывался перед телевизором с пивком и упаковкой арахиса. В таких случаях Джейк не выходил из своей комнаты, слушал радио или сидел в интернете. Наушники не пропускали ни харкающий кашель отца, ни звук арахисовых скорлупок, отскакивающих от стенок стеклянной миски, ни ровный, всегда одинаковый гул толпы фанатов.

Джейк оглядел всю ванную. Прикрученные пониже раковина и зеркало, табуретка для душа, поручни на стене, расширенный дверной проем. У отца руки заправского плотника – ему бы ничего не стоило проделать это для своего единственного сына, который только что вернулся из больницы и реабилитационного центра. Но Эд и пальцем не пошевелил. Все это устроила церковная община его матери: как же, у Тэнси Стивенсон, помощницы пастора, сейчас такое непростое время! Они провели благотворительный сбор и вместе с волонтерами успели закончить работу еще до того, как Джейк вернулся домой.

Обо всем этом ему рассказала мать. Она сидела рядом с процедурным столиком в своем лучшем выходном наряде – цветочном платье и добротных туфлях. Он понимал, что она не хотела задеть его гордость и притворялась, что не так уж им теперь и придется под него подстраиваться. Но Джейк знал, что для его матери одно то, что все эти люди притащились в их захирелый переносной дом[1 - Дешевый дом, который стоит на цементных блоках. Если надо его перевезти на новое место, подсоединяются колеса и тягач. В таком доме нет отопления и жить в нем в целом опасно, но его выбирают из-за дешевизны. Если человек не может себе позволить даже такое место для жилья, то следующим этапом будет статус «без определенного места жительства».], чтобы помочь ее сыну и таким

образом помочь ей самой, было знаком божественного провидения. Он лежал на столе и смотрел, как тренер показывал матери специальные упражнения от контрактур – постоянных сокращений мышц, из-за которых он будет выглядеть еще бо?льшим фриком. В руках тренера его нога то сгибалась, то разгибалась обратно. Он не стал спрашивать, чем в это время был занят Эд: сидел перед телеком, наверное, и попивал пивко, пока достопочтенные члены общины переделывали ему ванную. Зачем спрашивать, если он знал и так, что Эд не потрудится даже выйти из дома ради людей, которые пришли сделать за него его работу. Наверняка матери тоже пришлось нелегко. Но, как бы там ни было, он мог самостоятельно пользоваться ванной и был за это благодарен.

Джейк приоткрыл окно и услышал, как по улице мчится машина и из колонок играет «I Will Wait» группы Mumford & Sons. Та самая песня. Сердце у него ухнуло вниз. Он покрутился на стуле и потянулся за спреем для волос. Осмотрел голую грудь и плечи в зеркале, потом напряг бицепсы и мрачно улыбнулся. Верхняя часть туловища у него теперь была сильнее, чем когда-либо, – чтобы хоть как-то убить время, он начал тягать железо.

Прошлой осенью, когда Джейк вернулся из реабилитационного центра, мать попыталась заставить его ходить в группу поддержки в Портленде. Даже умоляла позвонить местному наставнику, к которому он оказался приписан – лыжнику-паралимпийцу, живущему неподалеку в городе Мосьер. Она стояла в дверном проеме его комнаты, с руки свисала сумка – в полной готовности отправиться в церковь.

– Джейкоб, тебе надо выбраться из дома, – говорила она, – встретиться с кем-нибудь, взять себя в руки.

Взять себя в руки. Его захлестнула волна гнева, но он ничего не ответил, только заткнул уши наушниками и развернулся обратно к компьютеру. Он играл в «Томб Райдер» и выигрывал – победа-пустышка, ведь играл он против себя самого. Ну, по крайней мере, он не ответил ей какой-то колкостью. Она у него ведь очень милая, любит Иисуса и все такое. Она не виновата в том, что ее единственный сын, который с самого начала был неудачником, так здорово облажался.

А ведь они были даже не пьяные, даже не тепленькие, год назад, в тот странный теплый апрельский день. Кто-то притащил во двор к Тому Померою резиновую водную дорожку, чтобы прыгать на нее животом и скользить. Там было около двадцати человек – из девятого и десятого класса. Парни улюлюкали, девчонки

визжали, скатываясь вниз по лужайке. Когда Джейк бросился на облитую водой полосу, то почувствовал прилив радости. Он перестал с ужасом думать о жизни после выпуска и экзаменах, которые он, конечно, завалит, – хоть к гадалке не ходи. Он даже отвлекся от мыслей о потере стипендии в музыкальной школе, которая поначалу отзывалась сильной болью в груди, но постепенно уменьшилась и напоминала скорее саднящую рану, на которую время от времени можно было и вовсе не обращать внимания. Среди своих друзей, под теплыми лучами солнца, он снова чувствовал себя ребенком. Он пошел на крыльцо, и кто-то включил колонку. Mumford. Та самая песня. Всего мгновение, пара ничем не примечательных секунд, которые изменили его жизнь навсегда.

Джейк достал пиво из ящика со льдом и закурил сигарету. Обычно он к ним не притрагивался, но раз тут вечеринка, то почему бы нет? Он поднялся на второй этаж за Меган Шайн, которая рассказывала, как на весенних каникулах ездила с сестрами в Масатлан, куда их взяли с собой богатенькие родители. Меган была очень приятной девушкой, хотя ей, в общем-то, можно было и не стараться быть приятной, так как выглядела она просто сногсшибательно. Даже на чирлидершу потянет. Блондинка, все дела. Типаж не его, конечно, но все же. Он что-то ей ответил, она рассмеялась и забрала у него банку. Запрокинула голову, чтобы отпить пива, и он украдкой посмотрел на ее красивую грудь. Даже если бы она заметила, как его взгляд нырнул между грудями в купальнике, проплыл по очаровательному плоскому животику и коротеньким розовым шортам, то не стала бы возражать. В этот момент кто-то схватил его за плечо. Это был Померой: он сжал Джейку руку и по-дружески шлепнул его по бритому виску.

Померой был хороший парень, но мужлан: из тех чуваков, которым всегда хочется демонстрировать свою силу – кто больше отожмется, может спрыгнуть с поезда на ходу в речку, прокатиться на скейте в темноте через туннели в Мосьере – и еще позовет всех посоревноваться. Он не боялся ничего и легко увлекался какой-нибудь дрянью, но в последний момент, как кот, всегда приземлялся на лапы.

Померой был крупнее и сильнее Джейка. Он играл в американский футбол, так что вообще Джейк бы никогда не согласился на подобную борьбу, пусть даже и в шутку. Но тогда он почему-то бросил сигарету и резко развернулся, чтобы обхватить мясистое туловище Помероя. Возможно, потому, что за этим, смеясь, наблюдала Меган. Джейк всем телом бросился на здоровяка и обхватил обеими руками за талию. Тот пошатнулся.

– Чтоб тебя, Стивенсон! – проорал он, поскальзываясь.

Вся эта история могла закончиться не так уж и плохо, если бы они не стояли на крыше второго этажа над террасой. Джейк свалился на землю – в полете его туловище скрючилось в воздухе и с жутким глухим ударом приземлилось на невысокую стенку, отделявшую розовый сад миссис Померой от проезжей части. Он глянул вверх и увидел, как Меган и Померой свесились через крышу и смотрят на него. Он хотел их рассмешить и крикнуть, что у него все в порядке, но это было не так. И теперь больше никогда и ничего не будет по-прежнему.

Не повезло, скажут ему позже врачи. Так они назвали неполное повреждение спинного мозга в одиннадцатом и двенадцатом позвонках его поясничного отдела.

Джейку поплохело от воспоминаний. Он сделал глубокий вдох и покатил по коридору в свою комнату. В голове опять начали крутиться непрошеные мысли.

Он никогда не будет ходить, сказал хирург, но сможет контролировать верхнюю часть туловища, так как повреждение только частичное. «Можете быть за это благодарны».

Джейк уставился на мужика. Благодарен? Вот уж о чем он точно не думал. Он натянул любимую рубашку, застегнул все пуговицы, взял рюкзак и повесил на коляску. Повезло, что он хотя бы руками пользоваться сможет, сказала в больнице какая-то рыженькая медсестра, несмотря на мышечную асимметрию.

Джейк опустил солнцезащитные очки в нагрудный карман.

Тренер не уставал повторять, что в остальном он был абсолютно здоров. У него могла сложиться прекрасная жизнь. Джейк обеими руками поднял на подставку сначала одну ногу, потом другую. Напялив мартинсы, покатил по коридору, переехал через порог и по пандусу спустился на улицу.

– Карьеру построишь, – вспомнил он слова терапевта.

Он надел солнечные очки, засунул в уши наушники и увеличил громкость на айфоне. Сознание заполнил знакомый рокот ска-панка.

– Может, в программирование пойдешь, – предложила мама, кивнув сначала соцработнику, а потом Джейку. – Тебе же нравится в свои игры играть?

Маневрируя коляской по гравийному проезду, он выехал на велосипедную дорожку, которая змейкой тянулась вдоль всей улицы. Колеса поднимали за собой облака пыли и отшвыривали в сторону камешки. Он улыбался тому, как быстро едет. Коляска просто летала. Одноклассники собрали ему на нее денег, – а то пришлось бы ему ездить на той развалюхе, на которую хватало папиной страховки. Как рассказывал Ной, они объявили о сборе во время церемонии вручения аттестатов. Джейк радовался, что его там не было – пришлось бы каждому говорить спасибо, а это унизительно, – но за коляску он был благодарен. Теперь, когда весенние дожди сошли на нет, он проводил каждое утро на свежем воздухе, рядом с фруктовыми садами, где бы он точно не наткнулся на кого-нибудь из своих друзей. Кто не остался в колледже – как Ной, который пошел на работу, чтобы заработать на путешествие, – либо ходили в офис, либо тусовались в скейт-парке.

В воздухе пахло зеленью и свежестью. Что-то задело его за живое. Такое уж это было время года, когда откуда ни возьмись на речную долину накатывал моросящий дождь, а ветер волнами перекатывал цветущие кроны фруктовых деревьев – и он от этого всегда переполнялся надеждой. В ирригационных канавах раздавалось кваканье лягушек, световой день незаметно становился длиннее. На придорожном заборе уселись ястребы, в воздухе туда-сюда мелькали вьюрки. В тени леса токовал дятел. Он никогда никому не говорил, что обращает внимание на такие вещи, но весна всегда приносила ему особую радость, сулила новое начало. Он почувствовал, как его душа пытается дотянуться до этой надежды, но поникает от тяжести поражения.

Он сделал еще погромче. Играл альбом Conneticut Ska группы Spring Heeled Jack, – первый, который катапультировал их на американскую сцену в начале 90-х, – как раз перед тем, как родился Джейк. Он внимательно следил за игрой Пата Гинграса на трубе и сравнивал это с тем, как вся группа звучала после того, как Гинграса заменил Тайлер Джонс. Перечислив все за и против в уме, он решал, например, что стиль Джонса сохранил классическое ска-панк звучание группы, – хотя кого он обманывает? Каждый, у кого есть хоть капля слуха, поймет, что группа полным ходом скатывалась в мейнстримное звучание Mighty Mighty Bosstones, которая потом, собственно, и поглотила некоторых ее членов. Еще он думал о том, что звукоизвлечение Гинграса – это самая настоящая музыка, которая полностью выполняет свою миссию. Так же считал каждый

второй фанат ска. Это не имело значения. Это все равно, что его игры. Приходилось как-то убивать время в той тюрьме, в которую превратилась его жизнь. Эта жизнь заменила собой ту, которую он должен был жить – полную музыки и надежды, другую, которая теперь казалась плодом его воображения.

Музыкальные способности Джейка, очевидные с самого рождения, оставались загадкой для его родителей, которые не разделяли музыкальных интересов своего сына. К счастью, учителя Джейка заметили его талант и предложили мальчику вступить в школьную музыкальную группу. Он играл на трубе начиная с пятого класса. И не помнил своей жизни без музыки. Он не знал, как выразить это словами, – эту яркую штуку, которая наполняла его изнутри.

В начале десятого класса Джейку предложили стипендию, которая покрывала три четверти стоимости обучения в частном Корнуэльском колледже искусств в Сиэтле, – почти исключительно из-за того, какие у него были музыкальные способности и рекомендательные письма. Оценки б получше, получилась бы полная халява, но и трех четвертей тоже достаточно. Он собирался изучать теорию и историю музыки и заниматься по классу трубы в качестве первого инструмента. Несколько месяцев он носил письмо о зачислении в кейсе для трубы и вынимал его почитать, когда оставался один, хотя уже и выучил каждую строчку.

«Уважаемый мистер Стивенсон, рады сообщить, что приглашаем Вас в Корнуэльский коллеж искусств…» От этих слов кружилась голова. Но, когда пришло время отправить первый взнос, отец отказался давать ему денег даже взаймы. Эд ничего не хотел слышать от умоляющей жены и ни разу не отвел глаз от экрана.

– Музыкальная школа? Я вас умоляю, – фыркнул он. – Я в его возрасте уже пахал полный рабочий день.

И все. Джейк не хотел даже думать об этой сокрушительной неудаче, но под завывания трубы Гинграса его мысли вновь и вновь принимались метаться между вопросами, на которые не было ответов. А если бы отец одолжил ему денег? Если бы его средняя оценка была выше 2.3, и он получил полную стипендию? Если бы он работал по выходным и наскреб что-нибудь самостоятельно? Ужасно обидно было упустить свою мечту, потому что не постарался как следует.

Чем дольше он думал, тем невозможнее становились вопросы. А если бы он не пришел тогда к Померою в принципе, а пошел почистить сад, как обещал маме? Он ведь тогда перешагнул через грабли и мешки для листвы, поклявшись себе не задерживаться на вечеринке и закончить уборку до ее прихода. А если бы он не стал выпендриваться перед Меган Шайн? А если бы у него был шанс все переделать?

Джейк увеличил громкость, чтобы заглушить мысли. Он скатился на скорости с холма возле площадки для гольфа «Индиан Крик» и, преодолев низшую точку, бросил все силы на подъем. Облака разошлись, небо над горной грядой сменило оттенок с оранжевого на желтый. Яблони и груши в цвету были потрясающе красивы: лепестки цветков разлетались по всей долине, развернувшейся у подножия заснеженной горы Худ. Стало холоднее, и Джейк вдохнул запах орошенных влагой листьев. В горле возник слабый едкий привкус пестицидов, которые распрыскивали в саду. Ну и колет глаза от этой фигни, сказал он себе.

Он добрался до следующего холма, не обращая внимания на старика, который остановил гольфкар, чтобы потаращиться на мальчика с ирокезом в инвалидной коляске, летевшего на всех парах к перекрестку. Не парься, дед. Самое худшее у меня уже позади.

Правда ли это? Наверное, самое худшее – что ничего интересного в его никчемной жизни больше не случится. Уже через месяц в старшей школе «Худ Ривер Вэлли» пройдет очередная церемония вручения аттестатов. Выпуск две тысячи четырнадцатого, ура-ура! Две сотни молодых людей перевернут страницу своей жизни, поедут в колледж или пойдут работать, или просто уедут подальше из этого захолустья. Он уже неделю не мог выкинуть это из головы. Она стояла у него прямо перед глазами – годовщина того дня, когда его жизнь закончилась. Молодец, Джейк. Ты все просрал. Как тебе и говорил твой папаша всю твою жизнь. Поздравляю, дебил.

Полуденный свет сменился сумерками, и Джейк прибавил скорости. Он доехал до старого здания школы «Оук Гроув», отбрасывавшего длинные тени на яблоневый сад. Сквозь ветви деревьев он различал, как загораются огни в хибарах садовых работников. Он видел фигуры людей на высоких лестницах, их удлиненные тени между рядами деревьев. Он повернул на юг в сторону горы Худ, розовевшей от закатного солнца на фоне желто-зеленого горизонта.

«Получишь от нас свою ложку с вилкой и катись куда хочешь».

Эти слова эхом раздавались у него в голове, и он переключил музыку на максимальную громкость. Джейк чувствовал запах своего пота, который теперь отличался от прежнего. Он пах как старик или больной человек – или как кто-то незнакомый. Он постарался сфокусироваться на белой разметке, так как велосипедной дорожки здесь не было, – он отъехал слишком далеко от центра, здесь была только узкая обочина.

Джейк сопротивлялся потоку картинок в голове: улыбка Меган Шайн и лучи солнца, падающие на ее топ. Пальцы, перебирающие клавиши на трубе, когда он играл соло на конкурсе джаз-бэндов штата. Ной рассекает по скейт-парку. Он сам передает пачку жвачки членам группы в конце автобуса, бежит по песчаной косе за своей собакой, которая выхватила поводок. Все в прошлом. Когда-то это было частью его жизни, а теперь потеряно. Сердце полоснула боль: он ненавидел себя за то, что ее испытывает. Он ненавидел слезы, которые текли по щекам, и больше не мог притворяться, что это пот. Он ненавидел себя за то, в какой беспробудный кошмар превратилась его жизнь, и за то, что кроме себя винить ему некого. В этот момент он почувствовал, что сломался – так, что уже не починишь.

Джейк не заметил, как выехал на центр проезжей части, и не услышал сигнал пикапа, подъехавшего сзади. Он смотрел в сторону и не видел, как одно колесо выехало за сплошную белую линию. В сумерках водитель пикапа не смог разглядеть мальчика, пока ходовые фонари не врезались в спинку коляски. Сквозь музыку Джейк услышал скрежет тормозов – и все остановилось.

2

Двенадцать маток

Пчеломатка – единственная совершенная женская особь в улье, которая откладывает все яйца.

«Лангстрот об улье и медоносной пчеле,

руководство для пчеловода» 1878 года

Алиса Хольцман охарактеризовала бы свое настроение как «ниже среднего» еще до того, как увязла в пробке на Трассе 84, возвращаясь в Худ Ривер. Виноваты были юные дегенераты из «Саннивэйл Би», что-то напутавшие с ее заказом, из-за чего ей пришлось выехать позднее, чем она планировала. И вот пожалуйста – работа у всех закончилась, час пик, море машин и грузовиков. Точнее, ее взбесило уже одно то, что ее заказ потеряли: она ведь была постоянным покупателем «Саннивэйл».

На День пчел – ежегодный апрельский праздник – всегда был полный дурдом, и отрицать это невозможно. В конце концов в этот день через сад «Саннивэйл Би Компани» проходят сотни миллионов пчел. Когда Алиса приехала, то увидела сотни контейнеров, которые ждали, когда их доставят по адресу. Каждая ячейка содержала десять тысяч пчел, взволнованно жужжавших после недавней рассыпки на пасеке южного Орегона. Ценный груз, привезенный перед сумерками, нужно было забрать, отвезти и заселить в ульи в течение двадцати четырех часов. В этот день тысячи пчеловодов приедут в «Саннивэйл» за пчелами, так что бардак был неизбежен.

Ехавшая перед ней машина проползла вперед и резко затормозила. Алиса тяжело выдохнула, а затем посмотрела на наручные часы и выдохнула снова. Да, она знала, что на День пчел будет полный дурдом. Для того она и взяла выходной. Был четверг. Рассчитывать, что пчелы приедут в выходной, – непозволительная роскошь. Пчелы как дети: приходили неожиданно и часто совсем не вовремя. Алисе, как и другим сгорающим от нетерпения пчеловодам, приходилось ждать, пока южные пасеки не наполнятся молодыми пчелами и не прекратятся весенние дожди. Дата доставки постоянно переносились, но риск, что она выпадет на День пчел, был почти равен нулю. Алисе это было известно. Поэтому она, как и всегда, позвонила за два дня, чтобы переподтвердить заказ у Тима, неунывающего хозяина магазина, который работал там, насколько ей известно, уже больше двадцати лет. По виду нельзя было угадать, сколько Тиму лет. Он был одним из тех людей, что постарели в двадцать, сразу после выпуска из школы, – возможно, из-за потери волос, – и теперь выглядели будто

неподвластными времени. Тим Невозмутимый. Алиса даже не знала его фамилии, но на протяжении последних лет Тим стал неотъемлемой частью ее жизни. Не то чтобы другом, – скорее, эдаким надежным обелиском, неунывающим указателем, который напоминал, что наступила весна, зима в Орегоне наконец-то закончилась, и пришло время новой жизни в пчельнике. На самом деле Алиса любила День пчел.

Но в этот раз на ее звонок ответил не Тим. Трубку сняла девушка, которая представилась как Джойфул.

– Чем я могу вас порадовать в этот замечательный день? – спросила она.

Алиса назвала свое имя и номер заказа, задумавшись, настоящее ли имя у Джойфул[2 - Радостная (англ.).]. Джойфул заверила, что все заказы оформлены как обычно и они будут просто счастливы встретиться с ней через два дня. Проверять заказ она не отказалась, но и искать его не стала.

– Всего хорошего! – пожелала она и повесила трубку, не успела Алиса и слова вставить.

Поэтому, когда Алиса смотрела, как Джойфул со свисающими на лицо соломенными дредами роется в куче бумаг на столе и не может найти ее заказ, ей захотелось сказать: я так и знала. И добавить еще пару-тройку словечек, которые очень расстроили бы ее мать. Алиса скрестила руки на груди, сделала глубокий вдох и облокотилась на прилавок.

– Девушка, я звонила вам два дня назад. Меня зовут Хольцман. Алиса Хольцман. Худ Ривер. Я заказывала двенадцать российских нуков. Двенадцать нуклеусных ульев.

Ей хотелось, чтобы голос звучал спокойно, и она немного подалась назад, заметив, что стучит по стойке пальцами с коротко подстриженными ногтями.

– Без дополнительных маток и упаковки. Обычно Тим складывает мои вещи во дворе снаружи.

Алиса показала пальцем на огороженную зону слева. Уже несколько лет назад Тим стал отделять заказы опытных пчеловодов, среди которых была и она, от заказов новичков, которые любят задавать много вопросов, так что вокруг них образуется отдельная жужжащая суматоха.

– Давайте я просто пройду и сама посмотрю? Я уверена, что смогу их найти.

Но Джойфул сдаваться не собиралась. Между бровей у нее залегла складка, на лицо лезли дреды – теперь день для нее был точно не замечательный. Она оторвалась от груды бумаг и строго посмотрела на Алису:

– Мадам, я услышала, что вы наш давний покупатель, и спасибо вам за доверие. Но у нас тут свой процесс, так что вам, как и всем, придется подождать своей очереди.

Алиса зарделась от смущения и отпрянула, поджав губы, как ребенок, которого только что отчитали. Она почувствовала, как сбилось дыхание, и вспомнила совет доктора Циммерман фиксировать, когда такое происходит. Подтянув штанины своего комбинезона, она присоединилась к кучке пчеловодов, которые оживленно болтали в ожидании своего заказа. Алиса болтать не стала.

Припекало весеннее солнце. Она сняла панаму и убрала влажные от пота волосы с шеи. Посмотрела на свои руки, и, увидев до мяса обгрызенные ногти, поспешила скрыть их в карманах. Она чувствовала, как у нее отекли ступни в рабочих ботинках, и переминалась с одной ноги на другую. Посмотрев наверх и увидев себя на экране монитора охранника, она отвернулась, заложив пальцы за подтяжки. Необходимость стоять на месте сводила ее с ума.

Полчаса спустя бланк заказа обнаружился на полу, прямо под биркенштоками Джойфул. «Алиса Хольцман, Худ Ривер. Двенадцать российских нуков. Без дополнительных маток. Боковой двор». По диагонали через всю страницу заглавными красными буквами значилось: ***ВИП!!!

Джойфул выглядела уязвленной, но не извинилась. Она отдала Алисе измятый бланк и указала в направлении двора. Такое с Алисой бывало, и не раз. Она же Хольцман, американка немецкого происхождения, впитавшая рациональность с молоком матери. Она всегда планировала все наперед и тщательно продумывала свои действия, пытаясь предугадать, что может пойти не так, и

подготовиться, чтобы все прошло хорошо. Она знала, что большинство людей куда менее сознательны. Ей частенько приходилось ждать, пока другие старались поспеть за ходом ее мыслей и отставали, не успев даже приблизиться к их пониманию. Так как же ей теперь назвать это чувство, эту раздражительность, по-детски настырное желание свеситься над прилавком и мотануть Джойфул за дреды? Она забрала бланк и прошла во двор.

Двое давних сотрудников – Ник и Стив – помогли Алисе приклеить скотчем крышки картонных коробок и по очереди аккуратно погрузить их в пикап. Она протянула крепления по доньям и затянула их так, чтобы коробки не елозили во время перевозки.

– Прости, Алиса, – сказал Ник, закатив глаза. Славный малый, примерно ее возраста, с закрученными вверх усами. – Новая начальница на время, пока Тим в Аризоне. Кажись, какие-то семейные проблемы.

Алиса пожала плечами и попыталась улыбнуться, но у нее не получилось. Она захлопнула крышку кузова – чуть громче, чем это было нужно. Ник не виноват в том, что она потратила больше часа на ерунду, которая не должна была занять и дольше пятнадцати минут, но трепаться без толку из вежливости она не собиралась.

– Спасибо, Ник, – ответила она. – Напомни Тиму, чтобы позвонил мне насчет той медогонки, когда вернется.

Теперь Алиса стояла посреди затора и пыхтела от раздражения. Она протянула руку за пачкой мини-печенья с шоколадной крошкой, которая лежала на соседнем кресле – купила их утром в супермаркете «Костко», хотя и не должна была этого делать. Она вытащила пригоршню печенья и запихнула её в рот.

Ей претило это признавать, но она отставала от расписания еще до того, как приехала в «Саннивэйл». С утра она заехала сначала на склад пиломатериалов «Тилликум», а потом в «Костко» – один из чудовищно огромных магазинов, которых не было в Худ Ривере. Люди суетились, а одна изнуренная мама двоих детей, толкавшая перед собой тележку, даже наехала ей прямо на пятки и не извинилась. Алиса целую вечность простояла на очереди в кассу, и это тоже действовало ей на нервы. Потом она впустую потратила целый час в очереди за пчелами и оказалась в самом эпицентре пробки, которую так старалась

избежать. Именно поэтому она звонила заранее. Именно поэтому взяла выходной и встала пораньше. Специально все распланировала. А другие все испортили. Она почувствовала, как внутри зарождается тревожность. Машины еле ползли, и ее грудь сжимало тисками. Она опустила окно: нос обожгло запахом плавящегося асфальта, и она снова его закрыла. Алиса огляделась. Казалось, всех устраивало, что они только и делают, что просиживают тут штаны. Было видно, что все уставились в телефоны. Она вцепилась в руль, почувствовав, как горло стягивает удавкой. Затем у нее в голове послышался умиротворяющий голос доктора Циммерман: «Ты знаешь, откуда это чувство, Алиса? Ты можешь проследить, откуда оно взялось?»

Алиса глубоко вдохнула и закатала рукава. В последнее время ей было очень сложно сохранять спокойствие. Если она продолжала работать, то могла контролировать свои мысли. Нет, доктор Циммерман, подумала она, не может проследить, откуда оно взялось. Не когда у нее в кузове жужжат сто двадцать тысяч российских медоносных пчел.

Она запихнула в себя еще одну пригоршню поломавшегося печенья и посмотрела в зеркало заднего вида – на утрамбованные нуклеусные ульи. Весеннее солнце палило не так сильно, поэтому можно было не беспокоиться, что пчелы перегреются по дороге домой, какой бы затянутой она ни была. По приезде она собиралась тут же всех переселить, все двенадцать ульев. Это реально сделать быстро, даже если работать в одиночку, и успеть до заката. Алиса работает без лишних движений, все инструменты выложены в сарае заранее – почищенные и отполированные. Вспомнив об этом, она почувствовала новую волну тревожности. Она допоздна занималась подготовкой к переселению, чтобы можно было вернуться пораньше и установить все ульи до наступления темноты. Сделав глубокий вдох, она пыталась успокоить колотившееся сердце. Пакет с печеньем полетел на заднее сиденье, чтобы до него невозможно было дотянуться.

На съезде в сторону водопада Мултномах, на полпути между «Саннивэйл» и Худ Ривером, Алиса увидела на обочине две машины – произошла авария. Когда она с ними поравнялась, полоса уже была расчищена, но все проезжали мимо и глазели, что же случилось. Рядом с помятыми автомобилями стояли двое мужчин, разговаривавшие по телефону. Случайный турист попытался сфотографировать происходящее, не останавливаясь. Такое случалось сплошь и рядом – люди высовывались из окон машин, чтобы сфотографировать двухсотметровый водопад.

После аварии пробка рассосалась, и вскоре Алиса уже делала восемьдесят километров в час на восток, а за ее спиной садилось солнце. Свободная дорога ее успокоила. Алиса сняла шляпу и очки и отстегнула одну подтяжку комбинезона: ей в нем все-таки было тесновато. Она включила музыку погромче – «Born to Run» Спрингстина.

Портленд Алиса не любила – слишком сложные переплетения мостов, рявкающие автомобили на дороге и агрессивные попрошайки. Но открытое шоссе без машин, которое вело подальше от этого города, она обожала. Вдоль реки Колумбия на несколько километров высились базальтовые утесы. Она наизусть знала названия отдаленных монолитов – Скала Петуха, Ветреная гора, Скала-Маяк. Рано утром зеленые холмы и скальные выступы накрывало розовой вуалью – райский пейзаж. За сорок четыре года этот вид, эта невозможная красота так и не смогли ей наскучить.

Алиса обогнала фуру и глянула влево, на широкую долину реки. На темно-зеленых речных водах от ветра вскипали белые гребни. Она увидела стаю белых пеликанов, отдыхавших на сверкающей на солнце песчаной косе, и исполинские орегонские сосны, нависавшие над водной гладью. Над рекой кружила и голосила скопа. Справа от машины показался лобовой прожектор приближающегося поезда. Состав проехал мимо нее, сделав предупредительный гудок, и постепенно затих. Заходящее солнце отражалось в прозрачной глади, и Алиса почувствовала, что ее тело начало расслабляться.

Свернув на шестьдесят второй съезд, она замедлила ход и остановилась на пандусе. Она опустила окно, и в пикап проник прохладный ветер с берегов реки, зашевеливший пряди волос, обрамляющие ее лицо. Она чувствовала запах реки и сосен вдоль дороги, еле уловимый аромат дыма и слабое благоухание весенней зелени. Миновав таверну «Красный ковер» с печально прогнувшейся крышей, Алиса увидела, как на парковке толпятся владельцы пикапов, которые заехали опрокинуть пару стаканчиков по дороге домой. Она улыбнулась, вспомнив, что часто так же делал отец – худой и нелюдимый, но добрый под маской своего колкого юмора. Дорога шла дальше мимо бара, на юг, и в конце Рид-роуд заканчивалась в небольшой ложбине у ее домика на окраине города. С одной стороны раскинулся фруктовый сад, а с другой – лес. Идеальное место для пчел: защита от ветра и вода для ее девочек, как ей нравилось их называть, от ручья Сусан-крик, бегущего вниз по склону холма. Сбоку от ирригационных каналов тянулись переплетенные ростки клевера, ежевики и одуванчика. Пчелиный рай.

Ложбина идеально подходила и для самой Алисы: здесь едва ли можно было встретить других людей. Помимо Дага Рансома, чей большой красивый сад раскинулся с западной стороны, у нее не было соседей, если не считать «Строберри Холлоу» – беспорядочный трейлерный парк в начале Энсон-роуд. Она не знала никого из его обитателей и вообще держалась подальше от этого места. Наверняка там одни торчки на метамфетамине и питбули. Насильники и психи. Она стала придумывать заголовки: «Десять человек арестовано во время конфискации наркотиков в трейлерном парке», «В “Строберри Холлоу” обнаружена раскопанная могила» – но потом заставила себя остановиться. Наравне с тревожностью склонность помещать неизвестных ей людей в скверные истории – то еще увлечение.

– Это твои мысли, Алиса, негативная оценка мира, – говорила ей доктор Циммерман. – Но направление этих мыслей можно скорректировать, проложить новое русло. Главное применять этот подход в своей жизни.

Доктор Циммерман, конечно же, очень умная. С дипломами Гарварда и Стэнфорда на стене. Она сначала работала в Пало-Альто, самозабвенно излечивая шизиков, помешавшихся на технологиях, а потом переехала в Худ Ривер и вроде как вышла на пенсию. Однако дипломы и эффектная внешность, экзотичные для этого захолустья, не сделали из нее зазнайку. Ей была свойственна уверенность в себе. И доброта. Однако даже это не уменьшало абсурдности того факта, что она, Алиса Хольцман, ходила к психологу. Тушите свет. Вот только смеяться не хотелось.

Алиса поставила пикап так, чтобы он смотрел на юг в сторону горы Худ и дома, который ей помогли купить мама с папой. Оба были садоводами в третьем поколении. Работа нелегкая, но им она была по душе.

Алиса, никогда не бойся тяжелой работы, говаривала мама.

«Или я вернусь с того света, дорогая, и дам тебе под зад», вторил отец, скривив рот в ухмылке.

Если ты прожил жизнь на природе, как они любили повторять, значит, ты прожил хорошую жизнь.

– Прожил хорошую жизнь, – произнесла она вслух, бросив взгляд в зеркало заднего вида на двенадцать нуклеусных ульев, где ютилось по одной матке, куча рабочих пчел – и бесконечно много надежды. – Почти дома, девочки. У вас будет хорошая жизнь. Я обещаю.

Хотя родной Худ Ривер больше не был пустынным захолустьем, в котором когда-то родилась Алиса, он все еще оставался прекрасным местом для жизни. В восьмидесятых нахлынула волна длинноволосых виндсерферов, которые прикатили сюда на трейлерах. Пару раз дрались с местными лесорубами и фермерами, которые жили в заведениях типа «Красного ковра». Но мало-помалу все проблемные хиппи уехали. Оставшиеся заводили семьи, чинили старые дома, открывали бизнес – кафе, пиццерию, магазины для виндсерферов. Город развивался. За последние десять лет произошел взрыв виноделен, модных бутиков, пивных и ресторанов. Теперь это совершенно новый город, но для старожилов вроде Хольцманов, живших на отшибе, это было не так заметно. Их жизни медленно, но верно шли своим чередом. Ошпаренные солнцем туристы разгуливали по городу, сжимая в руках стаканчики с холодным кофе, и даже не представляли, что сердце этого места не на главной Оук-стрит, а дальше, в долине и фруктовых садах. Длинные ряды фруктовых деревьев были не просто красивым фоном для почтовой открытки. В них заключались история и традиции, которым исполнилось уже более ста лет.

Семья Алисы была частью этой истории. Небольшой сад Хольцманов передавался из поколения в поколение начиная с тысяча девятисотых. «Гравенштайн», «пепин» и «вайнсап» – это вам не пористая каша «ред делишес», которые выдают в школьной столовой. Это настоящие, сочные яблоки. Ал и Марина Хольцман получили сад от дедушки и бабушки Ала, а те унаследовали его от своих бабушек и дедушек, мигрантов из Германии, которые приехали в долину перед разгаром Первой мировой войны. Ал и Марина обустроились в долине и жили там вместе с Алисой, своей единственной дочерью. И там они были счастливы.

Алиса подъехала к перекрестку на Кантри-Клаб-роуд, включила правый поворотник, посмотрела налево – не тащится ли оттуда трактор, который в это время года вполне может появиться на дороге. Переулок был темен и пуст. Она повернула направо и продолжила дорогу домой.

Алиса планировала унаследовать сад от своих родителей с тех пор, как ей исполнилось десять лет. Со временем она поняла, что ей придется пахать и в

саду, и на работе, чтобы хватало на жизнь. Но к полной неожиданности Алисы восемь лет назад Ал и Марина решили продать сад. Ее отца глубоко задевало то, что происходило в отрасли. Крупные компании протащили в округе свой закон об опрыскивании пестицидами, просто возмутительный для небольших фермеров. У самих Хольцманов производство нельзя было назвать на сто процентов экологичным. Ал Хольцман был слишком уж либертарианцем, чтобы позволить этим словам сорваться со своих губ. Но все-таки он был немец, а значит, выступал за здравый смысл. Он распылял химикаты как можно меньше и только вручную. Окружное законодательство слишком уж строго, говорил он, и они чересчур далеко зашли.

– Это яд, Алиса, – повторял он ей, качая головой. – Они пилят сук, на котором сидят.

Видеть, как родителей вытесняют все более крупные садоводы, совершенные упрямцы, дельцы или просто безрассудные люди, которые даже не пытались рассмотреть другие варианты, было невыносимо. А что касается руководства в округе – что ж, там Алиса работала в отделе планирования. Она знала, что все могло оказаться еще хуже. Ей потребовалось несколько лет, чтобы внести изменения в обыкновенный закон о почтовых ящиках. Потом Алиса пожалела, что не стала перечить отцу, что не рассказала, как любила этот сад. Но она не хотела, чтобы ему становилось еще хуже. От воспоминаний слезы подступили к горлу. Она отерла их тыльной стороной запястья.

Ал с Мариной поделились с Алисой деньгами от продажи сада, на которые она купила себе участок в тихой ложбине – одноэтажный дом с пологой крышей и пару акров земли. Она думала, что, возможно, когда-нибудь они переедут жить к ней. Но им захотелось самостоятельности, и они переехали в таунхаус. Они умерли друг за другом с перерывом в полгода – первым ушел Ал. Алиса очень скучала.

О них она тоже разговаривала с доктором Циммерман. Рассказала, что иногда слышит их голоса у себя в голове, иногда что-то отвечает – хотя, наверно, звучит это так, будто я конченый псих, добавила она. Доктор Циммерман посмотрела на нее поверх очков. Алиса покраснела. Видимо, говорить «конченый псих» неполиткорректно, подумала она.

Но доктор Циммерман просто кивнула:

– Должно быть, это приносит вам душевный покой.

Они обе знали, что Алиса ходит к этому милому терапевту не потому, что скучает по родителям.

Алиса притормозила и пропустила огромный грузовик, битком набитый фруктами в упаковках, который медленно пересекал перекресток рядом с дорогой на водохранилище Кингсли. Она мельком посмотрела в южную сторону, где на горизонте маячила розовеющая гора Худ. Она сделала радио погромче, когда заиграла ее любимая песня Спрингстина, «Thunder Road».

Алиса стала ходить к доктору Циммерман три месяца назад, после того, как почувствовала нечто вроде сердечного приступа в овощном отделе магазина продуктов и товаров для дома «Литл Бит». Она стояла рядом с Карлосом, дружелюбным и симпатичным продавцом, который всегда уважительно к ней обращался и делился тем, как дела у его детей, или рассказывал последние новости. Она почувствовала, что невидимый жгут стягивает ее грудь так, что невозможно вздохнуть. Она сползла на пол, потянув на себя стеллаж с кейлом. Карлос помог ей занять сидячее положение, уперев спиной в полку с нелепыми, необрезанными стеблями брюссельской капусты. Она видела, как шевелятся его губы, но не слышала ни звука. Она была так близко, что могла разглядеть малюсенький кусочек несмытой пены для бритья на гладкой коричневой коже за мочкой его уха. Она захотела ему об этом сказать и засмеяться от того, что ей вообще этого захотелось. Приехали фельдшеры, а потом, казалось, пол-округа Худ Ривер прибежало посмотреть на сидящую на полу Алису Хольцман со вздымающейся грудью и красным лицом. Вспомнив об этом, она покраснела.

В скорой она тоже знала почти всех. В ту ночь на дежурстве был Джим Верк – знакомы со второго класса, – он сказал, что это паническая атака. По его рекомендации она обратилась к доктору Циммерман. Никто и никогда в истории семьи Хольцман не обращался к психотерапевту, но тот случай в «Литл Бит» смутил Алису настолько, что ей захотелось предпринять все возможное, чтобы такого больше не повторилось.

Алиса уставилась на дорогу и поняла, что вцепилась в руль мертвой хваткой. Пришлось заставить себя расслабиться. Когда она поравнялась со школой «Оук Гроув», закат уже горел в полную силу. Она прибавила газу на холме, который оттеняла полоса высоченных орегонских сосен, очерчивавших границу лесных угодий округа. Она почувствовала, как через окно в машину потянулся холодный

воздух, и снова посмотрела на пчел в зеркале заднего вида. Ее осенило, что тревожность вызвана новыми ульями. Каждый шаг этого четко распланированного дня должен был привести к успешной установке ульев. Эти пчелы теперь зависели от нее. А в этот час температура в тенистой лощине, должно быть, еще ниже, и она не хотела пугать девочек переходом из холодной темноты ночи в искусственное освещение мастерской. Придется подождать до завтра, сказала она самой себе. В сотах должно быть достаточно меда, чтобы пчелы могли перекусить и переночевать. Лучше пересадить их на свежую голову, чтобы избежать глупых ошибок.

«Будь благоразумной и соберись с мыслями», услышала она голос матери в своей голове.

Алиса обреченно вздохнула и признала, что так будет лучше.

– Тогда завтра утром перед началом рабочего дня, – сказала она вслух.

Алиса обмякла в кресле и, крутанув руль, повернула автомобиль по знакомым ей изгибам Рид-роуд. Мысли она пустила своей дорогой, надеясь, что ее самодисциплина, словно сторожевая колли, удержит их в загоне. Но потом она вспомнила о своей последней сессии с доктором Циммерман. Та уже какое-то время подводила Алису к разговору о запретной теме, но они все еще ходили вокруг да около: Алиса сопротивлялась мягкой настойчивости доктора Циммерман. Сейчас же дверь, за которую она прятала кое-какую часть своего прошлого, дала трещину. Потом, во время бессмысленного торга с самой собой, она обвинит во всем усталость. Я только представлю его лицо, подумала она. Только это. Но дверь открылась нараспашку, и ее с головой накрыло воспоминаниями.

Смеющийся Бад за прилавком в магазине Джона Дира. Фотография Бада в униформе департамента парков на первой странице «Худ Ривер Ньюс». Серьезный Бад, когда могло даже показаться, что он хочет расстаться, – но вместо этого сделал предложение. Тот самый день в суде[3 - Браки заключаются в суде.]; день, когда он переехал к ней; день, когда они привезли домой цыплят из «Литл Бит» и сидели на полу, наблюдая, как они попискивают и копошатся под инфракрасной лампой. Бадди танцует со своей заливающейся от смеха матерью в гостиной после воскресного обеда под песню Синатры «Fly Me to the Moon». Бадди загоняет племянников в грузовик перед поездкой на рыбалку и подбегает к Алисе, чтобы поцеловать ее перед отъездом.

Алиса поняла, что превысила скорость, только когда вылетела за перевал холма. Она думала о своем муже Роберте Райане, которого все звали Бадди. Бадди, который совершенно неожиданно появился в ее мирной жизни и принес ей неожиданное счастье. Бадди, которого больше не было в живых.

Ей сдавило горло. Дыхание сбилось, стало резким, и потом взорвалось горячими рыданиями. Глаза застлала пелена слез. Сорвавшись с места, ее горе покатилось как тяжелые бревна, упавшие с лесовоза, мимо которых она проехала по шоссе.

Алиса вытирала слезы одной рукой, но они продолжали катиться у нее по щекам, и машину занесло к краю обочины. Фары осветили какую-то фигуру. Она резко ударила по тормозам, свернула в сторону и врезалась в заборный столб.

Алиса почувствовала, как сто двадцать тысяч российских пчел тряхнуло на заднем сиденье автомобиля. Сработал ремень безопасности, и ее резко дернуло. Время замедлилось. В голове звенело. Она увидела перед глазами пляшущие белые и голубые пятна. В зеркале заднего вида отражалось лежащее на боку инвалидное кресло; одно колесо крутилось на оси, как колесо обозрения.

Алиса выкарабкалась из машины и перебежала дорогу. Быстро идти не получалось, и ей казалось, будто она плывет сквозь стену холодного воздуха. Она стала молиться, рыская глазами в высокой траве под угасающим светом. На земле рядом с коляской она увидела лежащего человека. Он ранен? Алиса присела на корточки, положила руки на колени и наклонилась над ним. Человек перекатился на спину. Алиса ожидала увидеть растерянного старика в домашнем халате и тапочках, сбежавшего из дома престарелых. Но увидела мальчика – тинейджера с безумной прической, спутанными наушниками и солнечными очками на лице. Твою мать, это же ребенок! Она сбила ребенка!

Мальчик смахнул очки с лица и посмотрел на нее. Улыбнулся. Она почти расплакалась от облегчения, но смогла только воскликнуть:

– Господи ты боже мой, пацан! Какого черта ты тут делать собирался? Убиться хотел?

3

Сбор

Трутни начинают появляться в апреле или мае; рано или поздно, в зависимости от резвости сезона и силы популяции. Если колония слишком слаба для роения, то, как правило, трутни не выводятся; в таких ульях нет молодых маток, а значит, трутни станут ненужными потребителями.

> «Лангстрот об улье и медоносной пчеле,
>
> руководство для пчеловода» 1878 года

Если бы Гарри Стоуксу нужно было выбрать одно слово, чтобы описать, как он себя чувствовал в то утро, он бы не задумываясь сказал – «голодный». Но это был обыкновенный голод, средней тяжести, ничего серьезного. Это не когда ты голоден как волк или на тебя напал жор. Но и простой тягой что-нибудь перекусить это не назвать. Это был голод, который заставлял его сфокусироваться, голод, вызывающий стойкое ощущение, что текущая ситуация приближается к несовместимой с жизнью.

Он сидел на ступеньках трейлера своего дяди и водил пальцем по дну банки из-под арахисового масла «Джиф». Засунув палец в рот, он убедился, что в пластиковой банке не было ничего, что бы отдаленно напоминало прежнее содержимое. Он с тоской посмотрел на дно и отбросил банку в мусорную кучу. Она упала с глухим стуком и откатилась обратно к нему. Легкий бриз овевал его тонкую шею, как прохладный шарф. Гарри вздрогнул и натянул капюшон. Утро уже наступило, но солнечные лучи еще не проникли сквозь орегонские сосны, возвышавшиеся вокруг полянки, на которой стоял трейлер. Желудок у него заурчал, как мультяшная пружинка.

Чтобы отвлечься от пустоты в желудке, Гарри достал блокнот и открыл наполовину заполненную страницу, на которой подсчитывал все за и против текущей ситуации. Он взял ручку и оглянулся. Подумав, решил, что больше всего в этом месте ему нравилась обстановка. Позади трейлера шумела река Кликатат, ее бурный поток заглушал все остальные звуки. Здесь, посреди леса, не было слышно даже главной дороги в округ. Еще Гарри любил вид на гору Адамс. Спящий вулкан на севере припал к земле под тяжестью весеннего снега, как белый монстр.

Пасторальная красота, записал Гарри в левом столбике. Что значит слово «пасторальный», он не помнил – что-то с открытыми просторами, – но звучало симпатично. Во всяком случае, слово для списка было хорошее: краткое и содержательное.

Гарри за почти два десятка лет своей жизни воспитал в себе привычку составлять списки. Формироваться она начала в тот день, когда он вскарабкался на детское сиденье материнской машины, сжимая в своей маленькой руке оранжевый карандаш. В этот день мать покинула штат Миссисипи и направилась в Нью-Йорк, оставив позади его отца и палящий Юг. Гарри едва помнил своего отца, но помнил влажную жару летнего дня и радость на лице матери, когда они доехали до окраины города Хаттиесбург. Она зажгла сигарету и опустила окно.

– А что есть в Нью-Йорке, мама? – спросил он.

Она выпустила струю дыма в окно и посмотрела на него в зеркало заднего вида.

– Статуя свободы, сынок. Эмпайр-стейт-билдинг. Бродвей, туда едут все известные актеры. В Центральном парке есть пруд и зоопарк. В Нью-Йорке полицейские ездят на лошадках. Тебе там понравится, Гарри.

Она улыбнулась, отмахнув от лица дым, и Гарри хотелось ей верить, потому что мама улыбалась, а он это любил.

– А папа как же? – спросил он.

Повисла пауза, а потом она произнесла:

– Нет. Папа не поедет. Папы не будет в Нью-Йорке.

Ну или так это запомнил Гарри: запах сигаретного дыма, по радио играет Пэтси Клайн, мама ей подпевает, у него в руках тот оранжевый карандаш и лист бумаги. Он нарисовал лошадь, полицейского и тигра в клетке на одной стороне и человечка с торчащими во все стороны конечностями, его отца, на другой – таков был первый подсчет за и против в его жизни. Гарри придерживался этой тактики даже в юности. Составление списков помогало ему, – или Гарри хотелось так думать, потому что, как он часто за собой замечал, он застревал на принятиях решений.

Аналитический паралич, дразнил его Сал. – Парень не способен принимать решения, даже если от этого будет зависеть его жизнь.

Мать шикала на отчима, говоря, что с Гарри все нормально, что он активно взвешивает все варианты, когда составляет свои списки. Однако даже она не станет говорить, что Гарри делает что-нибудь даже отдаленно активное теперь, когда живет в трейлере дяди, в лесу на съезде Сто сорок первого шоссе. До самого последнего момента такое положение Гарри устраивало. Ему нравился мир и покой. Это еще два плюсика в левую колонку. И никто не лезет в твои дела. Гарри не видел ни одного человека с тех пор, как уехал дядя. Только птицы щебечут и разное зверье разгуливает в мелкой поросли.

Природа, записал он под «Никто не лезет», хотя дикая природа не всегда была плюсом деревенской жизни. Золотые дубоносы, вылетающие на залитую солнцем проезжую часть, – это красота. А вот агрессивный енот, охраняющий кучу мусора, – нет. Гарри почти уверен, что видел койота: худощавое тельце с коричневатой шерстью рыскало по краям его частной собственности, припав к земле.

– Ча-асная собснность! – как всегда говорил дядя Гарольд, с акцентом, который никуда не делся даже после того, как он переехал с Миссисипи и провел на западном побережье несколько десятков лет. – Ча-асная собснность! Какое право они имеют здесь шастать и смотреть, чем я тут занимаюсь?

Кому был адресован этот вопрос, Гарри не знал – за те два месяца, что он провел с дядей, его никто не навещал.

Вспыльчивый дядя Гарольд, по фамилии Гудвин, не любил незваных гостей. У Гарри была теория, что в хозяйственном магазине наверняка были бешеные скидки на указатели «Посторонним проезд воспрещен», потому что десятки таких знаков тянулись вдоль всей подъездной аллеи до самого почтового ящика. Дядя Гарольд крепил их по-разному: гвоздями, кнопками, скотчем. Ветхие, потрепанные ветром таблички добавляли колорита к общей атмосфере заброшенности.

Гарри не был до конца уверен, что дядя действительно владеет какой-либо «собсносстью» в этом темном лесу. Вполне возможно, это обычный самозахват земли, а настоящий владелец – кто бы он ни был – не парился, кто здесь находится, а, возможно, вообще не знал, что он тут живет. За то недолгое время, что он там провел, Гарри выделил три типа людей, обитавших в этом уголке: во-первых, богобоязненные лесорубы на пенсии, любившие охоту, рыбалку и уединение; во-вторых, нелюдимы и безработные достаточно подозрительного вида, чтобы держаться от них подальше; в-третьих, дачники из Портленда, которые построили себе фазенду и изредка ее навещали.

Гарри не мог бы сказать об этом дяде Гарольду в лицо, но, как по его ощущениям, дядя попадал во вторую категорию. Было непонятно, как старикан здесь оказался и почему остался. Со слов мамы Гарри, в Миссисипи у него была дочь и внуки. Гарри понятия не имел, откуда дядя брал деньги, которых, впрочем, по внешнему впечатлению, было немного. Отправляя Гарри в магазин, он доставал из кармана мятые купюры в один и пять долларов. Статус Гарри в качестве гостя был настолько непрочный, что вопросов он не задавал. Единственное, почему дядя не мог отнести его к той же группе нарушителей частной «собснности», подумал Гарри, была его любовь к матери Гарри, дочери сестры дяди Гарольда.

– Твоя мама, вот хорошая женщина. Идеальная, с золотым сердцем, – говорил он каждый раз, когда о ней заходил разговор. – Настоящий самородок.

Как бы то ни было, именно вопрос «собснности» частично стал причиной, по которой Гарри продолжал жить со своим дядей в убогом лесном трейлере в лесу. У самого Гарри ее не было.

Трейлер. Это точно в правую колонку.

– Прости, дядя Гарольд, – сказал он вслух, – но это настоящий, идеальный кусок говна.

Трейлер видывал лучшие времена. Среди его недостатков были разболтавшаяся обшивка, которая трепалась на ветру, и ободранная изоляция между дешевыми панелями. Нет проточной воды, перебои с электричеством и большие дыры в полу. По ночам Гарри слышал, как за стенкой копошатся мыши. В какой-то момент отвалились ступеньки, и в феврале, когда приехал Гарри, этот почти девяностолетний старикан использовал самодельную лесенку. Появление незваного внучатого племянника вызвало у него не больше удивления, чем необходимость по два раза в день вылезать по лесенке из трейлера в отхожее место. Дядя Гарольд не стал подвергать сомнению заявленное желание мальчика посмотреть Запад. Даже если его мать Лидия и поговорила с ним о «проблеме» Гарри, как она это называла, дядя Гарольд виду не подал.

Гарри нравился дядя, а тот был, пожалуй, даже рад тому, что мог часами говорить за них обоих. Он рассказывал о тех годах, когда он работал инженером в ж/д транспорте и путешествовал с западного побережья на восточное и обратно, как он объездил автостопом все провинции Канады, доехав аж до Ньюфаундленда и неистового Лабрадора. Он развлекал Гарри рассказами о красивых женщинах, которых он встретил в своих путешествиях. Гарри умел слушать. Возможно, именно поэтому, когда Гарри провел с ним целую неделю, дядя не стал спрашивать, когда он уедет. Вместо этого дядя Гарольд послал его за продуктами и льдом для холодильной камеры, которой он пользовался вместо сломанного холодильника. Гарри должен был купить припасов, которые дядя Гарольд считал основными продуктами питания: арахисовое масло «Джиф», макароны с сыром, консервы «Спам», картошку, светлое пиво, туалетную бумагу и сырные крекеры «Чиз-ит». Потом Гарри ходил в магазин каждые три-четыре дня.

Они оба органично встроили друг друга в свой новый режим. Дядя Гарольд нашел благодарную публику для своих историй и бесконечных игр в криббедж. Гарри, застрявший между паническим бегством от поражений прошлого и неопределенностью будущего, был счастлив задержаться в этом месте в подвешенном состоянии между тем, что он уже натворил и что еще может сделать в этой жизни. Когда весенний моросящий дождь заливал дремучий лес, оба сидели за откидным обеденным столиком в заплесневелом трейлере и играли в карты или читали книги из библиотеки дяди Гарольда, состоящей в основном из томиков по выживанию в дикой природе, сочинений по истории

Тихоокеанского Северо-Запада и парочки потрепанных детективов. Дядя Гарольд с ликованием дергал свою копну седых волос каждый раз, когда обыгрывал племянника в карты, что случалось часто. Днем дядя Гарольд забирался под одеяло и спал. Когда дождь переставал, Гарри ходил гулять в лес наверх по течению реки. Как-то он попытался прибраться на территории вокруг трейлера, отсортировать мусор – понять, что еще можно спасти, а что отдать в переработку – но дядя наорал, чтобы он не совал свой нос куда не следует и не прикасался к его вещам. Он поднялся по лесенке с таким грохотом, так что Гарри даже за него испугался, учитывая возраст дяди и неустойчивость лесенки, и захлопнул хлипкую дверь. Остаток дня Гарри провел у реки. Когда он вернулся, дядя Гарольд жарил искусственное мясо и картошку на обед. Он в сотый раз разнес Гарри в криббедж и не стал упоминать этот инцидент.

После этого Гарри приступил к отведенной ему работе по дому: починке облицовки трейлера и укреплению лесенки. У Гарри были золотые руки, и дяде это нравилось. Он ходил пешком и ловил машины, чтобы доехать до небольшого продуктового магазина. Он становился у обочины с поднятым вверх большим пальцем, пытаясь выглядеть неопасным и доброжелательным – в штанах с большими жирными пятнами и вязаной шапочке. Наверное, люди с большей вероятностью остановятся ради его старика, шатающегося вдоль обочины шоссе, подумал он. А, возможно, внешний вид дяди Гарольда – в шортах и носках поверх подштанников – и был причиной приезда соцслужбы два дня назад. А, возможно, наоборот, тот факт, что он не появлялся на людях с тех пор, как Гарри стал ходить в магазин вместо него.

Бизи Корнер – небольшой городок. Должно быть, кто-то заметил, что дядя Гарольд давно не заходил в магазин. Никто же не знал, что теперь вместо него в магазин ходит его внучатый племянник. Гарри никогда ни с кем не разговаривал в продуктовом. Телефона у дяди Гарольда не было, так что и позвонить ему никто не мог. Он, брюзжа, рассказывал Гарри, что его доктор уже давно приставал к нему с телефоном. Так что если дядя Гарольд и удивился, увидев у порога служащих из их округа, Гарри этого совсем не ожидал.

Когда белый седан и скорая помощь медленно подъехали к подъездной аллее два дня назад, старик спал, – в последнее время он часто спал, и не только в дождливые дни. Гарри вышел отлить на улицу и отошел к краю полянки, где начиналась полоса деревьев. Первой ехала машина с эмблемой «Служебный автомобиль округа Худ Ривер». Из нее вышли две женщины – пассажирка в розовой больничной форме и водитель в штанах цвета хаки и темно-синей

шерстяной кофте на пуговицах. Гарри увидел парня его возраста, выходящего из скорой помощи. Женщина в синей кофте обмолвилась с ним парой слов; тот кивнул, оперся рукой о дверь скорой помощи и принялся что-то искать в телефоне. Женщины двинулись в сторону трейлера.

– Добрый день! Господин Гудвин?

Женщина в кофте сняла очки и подошла к двери.

– Господин Гудвин? Вы дома?

Гарри дернулся было поприветствовать гостей, но желание смешалось с чувством самозащиты. Он вышел на солнечный свет, чтобы представиться внучатым племянником и полным тезкой Гарольда Гудвина. Он хотел спросить этих людей, откуда они пришли и что им нужно. Он бы забрался в трейлер и помог своему дяде спуститься по лесенке, даже если бы дядя Гарольд разозлился, что Гарри подал ему руку.

Но в реальности ничего такого он не сделал. Вместо этого Гарри развернулся и убежал. Он не знал, как долго мчался по узкой звериной тропе вдоль реки, но когда, взмыленный и задыхающийся, он в конце концов остановился, то обнаружил, что оказался в дремучей чаще, куда никогда не заходил по своей воле. Он свалился на колени на глинистую землю и попытался успокоить колотящееся сердце. Он вспомнил свою мать. «Бесит!» сказала бы она. Как тогда в первом классе – он не успел расстегнуть непослушную пуговицу на новых джинсах и описался. Когда она приехала его забрать, спросила: «Гарри, почему ты не попросил учителя тебе помочь?» Гарри пожал плечами и вытер сопли рукавом. «Бесит», – пробормотала мама в первый раз из тысячи последующих.

Сидя на земле, оперевшись спиной о бревно, Гарри спорить не стал. У него не было никакого логичного объяснения этого бегства. Он не мог объяснить детский панический страх словами взрослого человека. Конечно, он мог с ним бороться. В этот раз его хотя бы никто не видел.

Он поднялся и пошел обратно к трейлеру. Гарри глубоко вздохнул и проговорил заготовленные слова у себя в голове: «Добрый день. Меня зовут Гарри Стоукс. Я внучатый племянник мистера Гудвина, приехал в гости из Лонг-Айленда. Чем я

могу вам помочь?»

Вот что он хотел сказать. Но, когда он вернулся к трейлеру, аллея была пуста. Гарри облегченно вздохнул. Все-таки ему не придется ничего объяснять, а к следующему разу он уже был готов. Обрадованный своей удачей, он залез в трейлер.

– Эй, дядя Гарольд, – крикнул он. – Ты проснулся?

Дядя не ответил, потому что дяди в трейлере не было. Гарри вышел на улицу и пошел в туалет, чтобы проверить мрачную догадку. Да, те люди забрали дядю.

Это произошло два дня назад. Гарри решил, что дядю Гарольда увезли на скорой в больницу, и часть его выдохнула с облегчением. Дядя Гарольд в последнее время часто спал и странно себя вел. На прошлой неделе он оторвался от карт во время игры в криббедж и сердито посмотрел на Гарри.

– Кто тебя сюда пустил? – прорычал он.

– Ты, дядя Гарольд, – напряженно ответил Гарри.

Нахмуренные брови старика расслабились, и он засмеялся.

Если дядя Гарольд и рассказывал про своего внучатого племянника, в округе все равно могли не поверить чудаковатому старику. Гарри планировал доехать автостопом до больницы и проведать его. Но ни вчера, ни позавчера он не поехал. Сегодня был третий день. По крайней мере он мог позвонить из таксофона в Бизи Корнере. Он не хотел думать, почему не стал этого делать. Ему было стыдно, и ощущение голода на какой-то момент притупилось. Он отложил эти мысли в сторону и посмотрел на заросшую аллею.

«Безопасность», записал Гарри в заполненной левой колонке. Однако эти преимущества все больше теряли привлекательность на фоне прочих фактов: он чувствовал себя грязным, голодным, чуточку обеспокоенным возможным пищевым отравлением из-за проблемы с холодильной камерой и немного жалким, просыпаясь в одиночестве посреди темного леса. Он не видел в дяде родного человека, нет, но с ним можно было поговорить или, как минимум, его

послушать. Тем не менее, те недели, что Гарри провел у своего дяди, не приблизили его к решению собственных проблем, которые уже принимали серьезный оборот. Он перевернул страницу назад к другому списку, который становился все длиннее и длиннее.

Под заголовком «Отчет о прогрессе, весна 2014 г.» он записал следующее: «Проблемы: бездомный (не считая трейлера); безработный; текущий счет: 318,57 долларов; должен маме и Салу: 1468,25 долларов».

Он вздохнул. Гарри нужны были деньги. Он знал, что мама одолжит, если он попросит. Она всегда давала ему денег и говорила при этом, что это на первое время, пока он не встанет на ноги. Но это был не кризис. У него просто как обычно закончились деньги, потому что он застрял в тупике, без запасного плана. Нет, матери позвонить он не мог. Кроме того, она бы спросила о дяде Гарольде. Он почувствовал, как свинцовая гиря опустилась в желудок, когда подумал о старике, который сейчас в одиночестве лежал в больнице.

Гарри перевернул страницу и начал новый список.

«Задачи, апрель 2014 г.: обновить резюме, подавать заявления на работу, пойти проведать Г., позвонить маме». Он нарисовал стрелочку и переставил «проведать Г.» на верх списка, и ему стало немного легче.

От мысли о том, что надо найти работу, что-то съеживалось в желудке. Проблема была не в работе. Гарри умеет трудиться. Проблема – в собеседовании, разговорах с людьми, заключении сделки.

«Пацан, ты не доводишь дело до конца!» кричал на него Сал. «Последнее место предложило тебе работу, а ты даже не перезвонил! Ты нормальный вообще?»

Бесит.

У Гарри не было разумного объяснения. Как он мог описать парализующий набор вопросов, которые появятся в новой ситуации? По какому маршруту лучше ездить на новую работу? Что надо надевать? Обычно люди носят обед с собой или ходят в столовую? А если ему понадобится в туалет? Он не мог задать все эти вопросы кому-нибудь, поэтому было проще покрыть все ложью: оплата не устраивает, время работы неудобное, начальник вроде бы козел.

Гарри постучал кончиком ручки по верхней губе. В этот раз найти работу будет еще сложнее – и не только потому, что он жил в лесу и без машины. Была еще одна маленькая зудящая загвоздка: Гарри был преступником. Был. Прошедшее время. Но он отсидел положенный срок. Это уже позади, убеждал он себя. Все по порядку. Сперва надо найти своего дядю.

Он схватил полотенце, мыло и какую-то одежду и пошел в лес к реке. При всей размытости понятия «пасторальная красота» Гарри по-настоящему влюбился в просторные темные леса вокруг места проживания дяди Гарольда. Гуляя в лесу вверх по течению реки, он был абсолютно обескуражен красотой самых простых вещей: мох неонового зеленого цвета на стволе, неожиданный луч солнца падает на сухой обрубок мертвого дерева. Однажды он бродил по лесу, и небольшая стайка птичек вылетела из-за деревьев прямо перед ним, о чем-то переругиваясь. Они были так заняты своей перепалкой, что даже не заметили его. «Воробьиная свора». Так это называла его книга о птицах. Другой раз, перед тем, как отправиться ко сну, Гарри стоял на улице в темноте и смотрел на звезды, сиявшие ярче, чем любые звезды, которые он когда-либо видел. Потом он услышал гортанный, пульсирующий зов совы, эхом окруживший его в лесу. Гарри не мог определить, на каком дереве сидит эта большая птица, – казалось, ее клич заполняет все пространство вокруг него. Уханье раздалось снова, и Гарри почувствовал, как оно вошло в его грудную клетку, осело и заполнило сердце изнутри. Гарри был ребенком городских кварталов, никогда не оказывался настолько близко к природе и не смог бы догадаться, какие чувства она в нем пробудит. Если бы его кто-нибудь спросил, что он чувствует, он бы ответил «счастье». Но никто его не спрашивал.

Гарри шел по песчаной косе, где бурное течение превращалось в спокойную заводь. Он разделся догола, обнажив бледную гусиную кожу, сделал глубокий вдох и прыгнул в ледяную воду. На цыпочках выйдя на берег по песчаному дну, он достал мыло и стал намыливать волосы и тело в робких лучах солнечного света. Потом он снова прыгнул в воду и терся мочалкой.

Выбравшись на берег, обсушился и натянул самую чистую пару штанов (из тех двух, что у него были) и одну из клетчатых рубашек своего дяди, на которой еще висели этикетки. Когда он пошел обратно к трейлеру, все тело приятно покалывало. Он побрился, глядя в маленькое зеркальце, которое дядя приспособил на дереве. Полысел в двадцать четыре, ну или лысею, вздохнул Гарри. Он подумывал вообще все сбрить, но вспомнил, как сделал это однажды на спор в старшей школе и явил на свет свой шишковатый череп неандертальца.

Тем не менее он хотел сделать что-нибудь, чтобы отметить новое начало. Когда он впервые приехал на Запад, то хотел сделать татуировку, но не смог выбрать рисунок. Он битый час сидел в тату-салоне в Сиэтле и перелистывал альбомы, а в итоге ушел с очень глупым видом. Здоровый мастер поднял голову от работы над клиентом и покачал головой.

– Иногда сразу выбрать не получается, бро, – сказал он ему вслед.

Он ухмыльнулся? Правда ухмыльнулся? Гарри почувствовал себя таким тупицей. И почему вообще его заботило мнение этого парня, какого-то незнакомца?

Гарри сбрил все по костлявой линии подбородка, но оставил щетину над верхней губой. Отпустит усы. Он видел в последнее время, как на реке катаются какие-то люди на каяках с усами. Парни его возраста. Может, круто выйдет.

Он натянул шапку на мокрые волосы и схватил рюкзак с блокнотом, ручкой, бутылкой воды и немного помятым апельсином. Гарри пошел вниз по гравийной дороге, мимо галереи побитых стихией указателей «Посторонним вход воспрещен», вышел на шоссе и повернул на юг, согреваясь на солнце и разглядывая высоченные темно-зеленые деревья.

«Куда ты собрался, малыш Гарри Стоукс?»

Он почти слышал вживую голос своей матери. В его детстве она всегда задавала этот вопрос именно так, когда замечала, что он собирается куда-то уходить из дома.

Гарри – это короткое имя от Гарольда. Гарольд Стоукс. Среднее имя – Кортланд. А полностью звучит вообще смешно. Гарольд Кортланд Стоукс третий. Как будто он член какого-то загородного клуба, про который обычно пишут в газетах типа «Таймс». И мамина, и папина семья были бедные, но на Юге часто давали пафосные имена. О Гарольде Кортланде Стоуксе втором Гарри имел весьма смутные воспоминания: помнил только высокого мужчину, который смеется, сцеживая мизинцем по капле виски на язычок Гарри, вокруг его большой ладони вьется сигаретный дым.

Однажды днем, еще в старшей школе, он набрался храбрости спросить у матери о своем отце, когда разгружал вместе с ней тележку с компостом. Как они познакомились? Почему она ушла? Его отец когда-нибудь о нем спрашивал?

– Твой отец – придурок, – сказала она, затушила сигарету каблуком и натянула перчатки. Больше он не спрашивал.

Когда она везла Гарри на север в Нью-Йорк, то мечтала стать актрисой. Вместо этого она пошла работать официанткой в гольф-клубе Лонг-Айленда, где встретила и вышла замуж за хорошего парня по имени Сал Романо. У Сала была фирма по благоустройству и озеленению, и это был единственный человек, которого Гарри мог назвать отцом. Старый добрый Сал.

Гарри услышал подъезжающую машину и повернулся, выставив большой палец. Пикап с молодой семьей. Отец не сводил глаз с дороги. Мать глянула на него и отвела глаза. Вина. Страх. Два пустых сиденья сзади. Гарри не мог их ни в чем обвинить. Он шел дальше.

В январе Сал и Лидия объявили, что они продают дом на Лонг-Айленде и переезжают во Флориду навсегда. Их переманила Сарасота, где они обычно зимовали. Салу осточертел его бизнес по озеленению, особенно после того, как прошел ураган Сэнди. Лидия устала от снега. В Сарасоте она стала играть в пиклбол[4 - Молодой вид спорта, сочетающий в себе элементы тенниса, бадминтона и настольного тенниса.], а Сал хотел сидеть у бассейна и читать тома по военной истории, которую так любил. Гарри было сложно скрыть свое разочарование.

– Просто замечательно! – воскликнул он. – Какие вы молодцы!

Он поднял свое пиво и чокнулся с их бокалами вина. Особой радостью от него не веяло, и он знал, что это видно. Гарри не мог не заметить, что их решение было объявлено одновременно с решением инспектора по УДО, которое он подписал две недели назад, и благодаря которому он был свободен как птица и мог выезжать за границы штата. Проживание в подвале родителей всегда подразумевалось как временное, но мысль о том, что ему придется строить жизнь дальше в одиночку, легла на его плечи тяжелым грузом. Мать поставила бокал с вином на столик и с мокрыми глазами протянула ему руку.

– Гарри, с тобой все будет в полном порядке. Это новое начало, дорогой. А если тебе когда-нибудь понадобится место, где остановиться, то ты всегда…

– Так-так-так! – Сал поднял свою лапищу. – Не забывай, Лидия, дорогая.

Он снова поднял бокал.

– За будущее, Гарри, – сказал он. – Пусть оно будет таким же блестящим, как глаза твоей матери.

Лидия шмыгнула носом и подняла бокал. Гарри выдавил улыбку и отхлебнул пива.

Ветер крепчал, по спине пробежал холодок. Он застегнул шерстяную рубашку своего дяди на пуговицы. Солнце зашло за облако, и асфальт покрылся мокрыми веснушками дождя. Гарри еще ниже натянул шапку и еще больше ссутулился.

Он услышал скрип колес приближающейся машины и снова выставил палец. Грузовик с грохотом проехал мимо него и остановился впереди. Гарри подбежал к окну и увидел молодую девушку за рулем. Голубые глаза блестели под красной бейсболкой, на рубашке из клетчатой фланели лежали русые косы. Она улыбнулась и опустила стекло.

– Привет! Слушай, я, это… капец потерялась! Ты не знаешь, где съезд к устью Кликатат? Я доставляю обед для группы туристов «Вет Плэнет», они на рафтах сплавляются.

Гарри знал этот съезд, он был дальше по дороге. Он часто видел, как яркие желтые рафты преодолевали пороги реки за трейлером дяди Гарольда и приставали к песчаному берегу. Он показал пальцем на юг и объяснил, где свернуть.

Девушка хохотнула и закатила глаза:

– Я совершенно не ориентируюсь на местности. Ты мне не покажешь дорогу?

Так Гарри оказался в теплом сухом грузовике с красавицей Мойрой, жуя гигантский сэндвич с пастрами из кафе «Ривер Дэйз» в Худ Ривере. Доставим обеды по назначению. Она снова села за руль и спросила Гарри, куда он направлялся.

– Я еду в Худ Ривер, если надо, могу подвезти, – сказала она.

Он замешкался. Не хотел ничего рассказывать про дядю, так что просто сказал, что ищет работу.

– Не знаю, какую работу ты ищешь, но в Худ Ривере ее точно больше, чем в Бизи Корнере, – ответила она.

Гарри кивнул, решив, что проведает дядю Гарольда на обратном пути из Худ Ривера.

Мойра включила музыку. Гарри улыбнулся, откусил сэндвич и украдкой взглянул на ее длинные загорелые ноги в шортах, которые когда-то были джинсами. Она обхватила руль коленками, зажгла сигарету, откинула голову и запела:

– What a looooooong strange trip it’s been![5 - Какое дли-и-и-инное странное путешествие! (англ.)]

Сделав затяжку, она прокашлялась, улыбнулась Гарри и передала ему сигарету. Впервые за долгое, долгое время, Гарри показалось, что дела начинают налаживаться.

4

Рабочая пчела

Все манипуляции в ульях выполняйте медленно и спокойно. Пусть ваши пчелы привыкнут к вашему присутствию: никогда не сжимайте, не раньте и не дышите на них ни при каких операциях.

«Лангстрот об улье и медоносной пчеле,

руководство для пчеловода» 1878 года

Год наконец-то перевалил через зябкую орегонскую зиму и теперь намекал на скорый приход лета. В такие ночи, когда заходит солнце и наступают сумерки, небо окрашивается в невозможный желто-зеленый оттенок на фоне черных холмов. Джейку всегда нравилось смотреть, как освещение синюшных оттенков припадало к линии горного хребта, словно антитень. Он смотрел на нее, вспоминая первый раз, когда был признан достаточно большим, чтобы так поздно гулять на улице. На школьной площадке тогда проходило родительское собрание. Он закручивался на качелях из шины, смотрел в темное небо и ждал свою мать, ощущая себя таким большим мальчиком.

Он слышал, как вода стекает по оросительному каналу вдоль обочины Рид-роуд. Поздним мартом талые воды текли с горы Худ и затопляли дренажные канавы, а ночной воздух наполнялся запахом свежераспустившейся зелени – характерным ароматом ранней весны. Именно поэтому, среди прочего, он так любил сидеть во фруктовых садах после наступления сумерек – до того несчастного случая.

Он перевернулся на спину и прислушался к лягушачьему хору в канаве. Вспомнил свой вечный спор с Ноем о том, куда деваются зимой эти твари размером с большой палец руки. Ложатся в спячку или умирают? Как они узнают, что пришла пора выходить на поверхность и начинают с надеждой квакать в холодной ночи? Почему он лежит рядом с канавой? Время замедлилось, маленькие лягушата квакали как метроном в этом чистилище. Метроном. Отсчитывающий время, как огромный барабанящий хвост Чейни.

Анджела, сестра Ноя, нашла Чейни, когда одним осенним днем пошла погулять после школы; мальчики тогда пошли в девятый класс. Его тощий полосатый зад и отсутствие ошейника выдавали в нем собаку без хозяина. Пара уморительных ушей болтались вверх или вниз, как лопасти вертолета. Сзади хвост отсчитывал ритм его счастья, когда он резвился на своих огромных лапах, с белыми

носочками на трех из них. У него был толстый нос, короткая морда, а уголки пасти растянулись в бесконечной улыбке. Один глаз – голубой, другой – коричневый. Ной заметил, что собака очень похожа на бывшего вице-президента Дика Чейни – если бы тот хоть когда-нибудь улыбался. Имя к нему так и прицепилось.

В тот день Анджела привела его к себе домой, Чейни запрыгнул на Джейка и потом на Ноя, прибив руки и ноги в земле своими лапищами.

– Ой! Господи! Фу, собака. Фу! Сидеть! Зверь! – заорал Джейк.

Пес рванул скакать маленькими счастливыми кругами по всей гостиной.

Надежда Ноя и Анджелы оставить дворнягу у себя испарилась, как только их мать появилась в дверях.

– Абсолютно точно нет, – сказала миссис Кац. – Отведите его в окружной приют. Немедленно.

С миссис Кац спорить бесполезно. Джейк хотел, чтобы его мама хоть иногда теряла терпение или спорила с отцом. Может быть, он решил взять собаку к себе, только чтобы позлить Эда.

– Мне кажется, пес классный. Маленький панк-рокер! – сказал он, потянув собаку за большие уши. – Куплю для него ошейник с шипами. Пойдешь со мной домой, собакен?

Пес компанейски ткнулся носом в плечо.

Миссис Кац прекратила резать лук и зыркнула на Джейка.

– Джейкоб Стивенсон. Не смей говорить своей несчастной матери, что ты взял эту собаку из-за меня.

– Его здесь никогда не было, миссис Кей, – сказал Джейк, подняв в воздух два пальца. – Честное скаутское. Я нашел его в школе.

Миссис Кац засмеялась и покачала головой.

– Удачи, Джейкоб.

Как только Чейни появился в его жизни, Джейк уже не мог вспомнить, как жил раньше без него. Чейни лежит на спине, чтобы ему утречком почесали живот. Заинтригованная морда Чейни смотрит в окно спальни, когда Джейк едет домой на скейте после школы. Как он дергает поводок, радостно прыгая на другом конце. Тот раз, когда он нашел черепаху – наверняка чьего-то сбежавшего питомца – и обнюхивал ее с забавной смесью обеспокоенности и удивления. Чейни заходит все дальше и дальше в речку и понимает, что может плавать. Однажды он переполошил с десяток диких индюшек на восточных холмах, когда Джейк и Ной осматривали лес с отцом Ноя, готовясь к охоте на оленя. Он вприпрыжку скакал за неуклюжими птицами, которые, казалось, скорее раздражены чем напуганы, и иногда возвращался к Джейку и заливался лаем, будто говоря: «О МОЙ БОГ! Вот это ОФИГЕТЬ!! ИНДЮШКИ!»

Джейк никогда не жалел, что он единственный ребенок в семье, но, когда появился Чейни, он осознал, какая пустота был у него в сердце – коморка грусти, теперь заполненная этим бесконечно радостным созданием. Собака была живой энергией в фамильном доме Стивенсонов, который с каждым проходящим годом становился глуше и грустнее. Он радовался, когда мама смеялась над проказами Чейни, как когда этот четырехкилограммовый детина пытался забраться к ней на колени. Для Джейка Чейни был первой самой настоящей любовью.

Эд был на работе в Салеме, когда Джейк привел Чейни домой. Мама уже была им очарована, но Джейк готов был поклясться, что Эда убедил его аргумент, что Чейни будет сторожевой собакой. Ему не нравились соседи, и он постоянно жаловался на то, где они ставят машину или контейнеры для мусора в подъездной аллее, или на шум от вечеринок во дворе. Эда всегда что-то бесило. И к идее, что Чейни будет отпугивать людей, он проникся симпатией.

– Я не хочу его видеть, слышать или вдыхать его вонь, – сказал Эд, тыкая в собаку сигаретой и кивая. – Либо ты следишь за этим животным, либо его здесь не будет.

«Животное» – как неудивительно услышать это от отца. Он решил не замечать, каким другом стала эта собака и как сильно Чейни старался быть хорошим.

Иногда у него это не получалось, и Чейни знал, что виноват, и искренне сожалел – например, как когда украл кусок сыра с прилавка. Или когда сломал раздвижную дверь во время одного из своих необузданных приветствий. Он хотел быть хорошим, и это было заметно. После того, как пес пару раз отметелил маму Джейка, он понял, что рядом с ней ему надо быть аккуратнее. Он садился у нее в ногах и трясся, когда она чесала ему за ушами или белый крест на груди.

Отец был в полной уверенности, что Джейк не сможет справиться с собакой и только и ждал как бы придраться. Но Джейк делал все: гулял, кормил, чесал. Всегда доливал воду и держал на привязи, когда они гуляли во дворе. Джейк его кастрировал, бедолага шатался по дому в гигантском пластиковом конусе. Мама помогла оплатить операцию и регистрационное свидетельство, но Эду не стали ничего рассказывать. Кроме того, он пообещал ей все вернуть.

Что там сказала мама Ноя в тот день?

«Удачи, Джейкоб».

Дин сказал тоже самое. «Удачи, парень».

Дин – это большой накачанный психолог, который работал с ним в центре реабилитации «Провиденс».

«У тебя все получится».

Погодите. Это было позднее. Это произошло после. Чейни появился до несчастного случая.

Воспоминания перемешались. Где он? В канаве.

Он снова открыл глаза и увидел темнеющее небо. Разглядел вдалеке школу «Оук Гроув» на фоне восточных холмов. Он ехал по Рид-роуд, слушал Spring Heeled Jack. Как так вышло, что он выпал из своего кресла и лежит рядом с оросительным каналом?

А Чейни, где Чейни, собака-метеор, его верный напарник?

Когда у Помероя была вечеринка, Джейк запер Чейни в своей комнате. Он собирался пробыть на вечеринке не дольше часа. Потом собака могла посидеть с ним в саду, пока он сгребал листья вилами. Чейни поник, видя, что мальчик завязывает шнурки на Doc Martens. Джейк кинул ему конг с арахисовым маслом из морозилки. В последний раз, когда он видел свою собаку, Чейни скакал вокруг, как гигантский полосатый кролик с красным конгом в пасти.

Джейк закрыл лицо рукой. Попытался подняться, но в глазах все плыло. Он снова лег на холодную землю и вспомнил тот день, когда выписался из реабилитационного центра. Первое, что он заметил, это отсутствие своего пса. Джейк перевалился на коляске через порог и увидел, что на крючках рядом с дверью не висит его поводка. Напрасно он прислушивался, пытаясь услышать отрывистое стаккато собачьих когтей по линолеуму. Счастливый лай не доносился из его комнаты. Единственный проблеск в его жизни, который, как дамба, удерживал сокрушительную силу его депрессии.

Он так никогда и не узнал, что случилось с Чейни. Его отец оторвался от телевизора. Сейчас у Эда было такое же напряженное лицо, как и когда он один-единственный раз пришел навестить Джейка в больнице и уставился на своего сына в кровати. Он отвернулся обратно к телевизору и отхлебнул из банки с пивом.

– Я тебе сказал. Либо ты следишь за животным, либо его здесь не будет.

– Мне так жаль, сынок, – прошептала его мама за спиной. – Я ничего не знала.

Джейк покатился в свою комнату. Дверной проем увеличили, чтобы он мог проехать на коляске. Его односпальной кровати с постельным бельем «Звездных войн» не было на привычном месте. Вместо нее стояла специальная кровать для инвалидов: к стене над кроватью крепился подъемный механизм. На своих местах остались постеры и игры, парта и компьютер. Везде чистота и порядок, даже чересчур. Он закрывал за собой дверь, когда услышал тихий голос своей матери и голос Эда на тон выше.

Он сильно устал, но заснуть не мог. Лежал с открытыми глазами, наблюдал, как луна поднимается в небо, пока не наступила кромешная тьма. Он хотел оказаться где угодно, но только не здесь. Да куда ему податься? Наконец-таки он заснул. Ему приснилась золотая река. Она вышла из берегов, подхватила его

с кресла, и он уплыл, с легкостью и радостью в душе. Он проснулся утром с тяжелой гирею своего будущего на груди.

После случившегося Джейк оказался в очень темном месте. Зима 2013 года была рекордной по осадкам – 3,15 метров за три месяца. Ему казалось, он сходит с ума. Он просыпался в темноте, слушал, как родители собираются на работу, и наблюдал, как темнота опускается в 3 часа дня.

Каждый день Джейк сталкивался с опустевшими часами. Еще один день ожиданий. Еще один день ЛФК без намека на прогресс. Судя по постам в Инстаграме, его друзья живут своей жизнью. В почтовом ящике лежали электронные письма, которые ему не хватало смелости открыть. Джейк спал как можно дольше, чтобы убить время. Ему восемнадцать, и он убивает время. Отпущенный срок жизни превратился в тюремный срок. Он бы заплакал, но он уже этим занимался месяцами напролет, и это не помогло.

Какой-то недолгий миг он подумывал о самоубийстве. Однажды днем сидел перед винтовкой Эда, думал, как это можно провернуть. Его остановила только мысль о его матери и что с ней случится, если его затея с треском провалится, и он останется еще большим инвалидом, чем был. Ведь все равно, что бы ни случилось, он оставался самим собой, верно?

Он слушал музыку – Clash, Ramones, Dead Kennedys и все американские ска-группы – чем громче, тем лучше. Но к трубе он не мог прикоснутся. Та музыка была слишком дорога его сердцу. Только мысль о том, чтобы взять трубу, раздирала его на лохмотья. Футляр стоял в углу в его чересчур чистой комнате, пока однажды он больше не смог терпеть и запихнул его подальше в кладовку.

После этого он посмотрел в лицо своим ограниченным физическим возможностям. Да, он был бесконечно благодарен, что мог самостоятельно принимать душ и ванну, самостоятельно садиться и выбираться из коляски. Научился пользоваться катетером, чтобы опорожняться несколько раз в день. Следил за поведением своего желудка, чтобы избежать таких ситуаций, которые раскрыли бы слово «говнобурление» с новой стороны. Научиться пришлось многому и быстро, но, слава богу, он со всем справился. Воспоминания об унижении помогающих ему медсестер и его матери еще не изгладились из памяти.

Тем не менее список вещей, которые он больше не мог делать, был подавляющий. Джейк не мог водить машину – разве что какую-нибудь модифицированную, что само по себе уже недостижимая мечта – и даже запрыгнуть в пикап миссис Кац, не задумываясь о том, как это сделать. Никакого скейтбординга, а, значит, и в скейт-парк можно не заходить. Что ему делать – просить маму подвезти до хафпайпа? Простое передвижение по городу осталось в прошлом. Типа, как когда он пошел с мамой в аптеку после приема у врача. Одна мысль об этом вызывала у него тошноту. Яркие лампочки над головой светили в глаза, бестолковые стенды с всякой всячиной для Хэллоуина закрывали проезд между рядами. Он просто хотел купить себе завтрак, а колесо зацепилось за картонную тыкву с ухмылочкой, которая заслоняла проход. Какая-то старушка попыталась ему помочь, но сделала только хуже. Сказать, что это было унизительно – ничего не сказать. Он не знал, что сказать. Ему было всего восемнадцать, и у него не должны были быть наготове слова для такой ситуации.

После этого он не выходил из дома. Играл, игнорировал электронную почту и сообщения на телефоне. К тому моменту они приходили только от Ноя. Кац все еще писал пару раз в неделю, иногда даже позванивал, оставляя забавные сообщения на автоответчике, притворяясь кем-то другим. В последний раз это был продавец шотландского виски по имени Головняк Будунчиков. Они не говорили лицом к лицу с Сочельника. Ной заехал в гости с Селией Мартинез, но Джейк не смог даже выйти из комнаты. Он слышал их голоса в гостиной, когда они разговаривали с матерью, звук захлопывающейся двери, уезжающей ни с чем машины Ноя. Одному проще. Общаться со старым другом – слишком больно, особенно с его новой девушкой. Селия ничего, но теперь она воплощение того, что их жизни продолжали меняться, а его – нет. И что теперь? Вечный вопрос, на который нет ответа. Последний вопрос, с которым он засыпал ночью и первый вопрос, с которым он просыпался поутру: «Какого черта мне теперь делать?»

Пару раз он доставал свой блокнот, но его расстраивали зарисовки из прошлой жизни. Он попытался утешить себя тем, что все еще мог рисовать сидя. Но эта мысль так его разозлила, что он бросил блокнот через всю комнату.

Джейк стал качаться, чтобы хоть чем-то занять время, и на удивление почувствовал себя лучше. Когда на улице распогодилось, он пробовал самостоятельно выходить из дома, когда родители уходили на работу. Каждый раз он уходил все дальше и дальше, становился сильнее, пока у него не стало получаться делать как минимум два круга по саду. Движение снимает

напряжение.

Во время последнего осмотра в Портленде, его невролог сказал, что результаты потрясающие.

– Друг мой, ты совершенно здоров, – сказал доктор Ганхайм, сидя за компьютером и заправив руку за пояс своих чиносов.

Только я ногами не могу пользоваться, так и хотел ответить Джейк.

– Вопросы?

Джейк был рад, что попросил маму не идти с ним в процедурный кабинет. Стесняться он не собирался, а сам доктор Ганхайм даже не удивился его вопросу. Почему восемнадцатилетний парень не будет думать о своем члене? К сожалению, у доктора Ганхайма не было точного ответа на этот вопрос.

– Весьма вероятно, что половая функция сохранится в какой-то степени, нужно подождать и посмотреть. Я запишу тебя к урологу через пару месяцев. Ты все еще на этапе исцеления, Джейк. Не забывай про терпение.

Терпение? Доктор Ганхайм – хороший врач, но в такие моменты хотелось треснуть ему чем-нибудь по башке.

Теперь его собственная башка болела и пульсировала. Он посмотрел в сад, туда, откуда начинался лес. Зеленый оттенок сумерек поглотил солнце. Венера ярко сияла на фоне первых блеклых звезд. Вечерний бриз подул с холма, принося с собой запах сосен. Взгляд Джейка переместился дальше. Он увидел перевернутую коляску. Рядом с ней человека, невысокую женщину в комбинезоне, на вид старше его матери. Она наклонилась и смотрела на него. Она выглядела взволнованной, но вздохнула с облегчением. Она напомнила Джейку о Чейни, когда тот принес ему черепаху в зубах – с нахмуренными от любопытства и озабоченности бровями, не понимая, что это за штука такая. Джейк почти рассмеялся, когда вспомнил этот инцидент. Женщина нахмурилась.

– Господи ты боже мой, пацан! Какого хрена ты тут делать собирался? Убиться хотел?

5

Общение запахами

Пчелы из разных колоний узнают своих сожителей по улью по характерному запаху, и даже если на пасеке тысяча ульев любая пчела тут же сможет определить чужака; как и мама-овца в отаре может при помощи того же чувства даже самой темной ночью найти своего ягненка.

> «Лангстрот об улье и медоносной пчеле,
>
> руководство для пчеловода» 1878 года

Когда колония медоносной пчелы ощущает какое-то беспокойство или тревожность, даже если это незначительная мелочь, например, когда пасечник открывает улей, чтобы посмотреть сотовые рамки или определить вид пыльцы, то первым инстинктом пчел будет поделиться информацией друг с другом. Несколько сторожевых пчел отправятся на разведку, но большинство сразу же припадает брюшком к земле, обнажая таким образом железу Насонова, и начинает обмахивать крыльями, распространяя секрет матки по всему улью, как вентилятор. Таким образом все обитатели получают успокаивающее сообщение, что все в порядке.

У Алисы в этот момент, наоборот, не было дружеского плеча, на которое можно было бы опереться в момент нужды. Она даже легонько никого не царапала на машине со времен старшей школы. Но сейчас она быстро скумекала, что кричать нет никакого смысла, особенно учитывая обстоятельства – она нанесла

гипотетические увечья несовершеннолетнему ребенку на коляске. Уставившись на мальчишку, она заговорила тихим голосом:

– Парень, ты в порядке? Ты… можешь сесть?

Парень не ответил и продолжал улыбаться. Что-то здесь не так. Он умственно отсталый? Или это что – церебральный паралич? Вот же черт! Алиса стала рыться в карманах в поисках телефона.

– Позвоню в 911, – прошептала она себе под нос.

Тут парень перестал улыбаться, поднял руку.

– Нет, не надо. Я… я в порядке. Дайте полежать минуту. Перевести дух.

Он странно разговаривал, но в остальном казался невредимым, Алиса поняла, что нависла над ним слишком близко. Она сделала шаг назад. Что он, блин, делал тут в такой темноте? Алиса оглянулась вокруг, на сгущающиеся сумерки… никого.

– Ты тут один? – спросила она.

Мальчик кивнул.

Чувство вины и стыда накрыли ее с головой, как наркотик. Она покрутила головой – направо вдоль дороги, налево, – вокруг темнота и тишина. Она кинулась к своему пикапу, заглушила двигатель и включила аварийку. Когда она вернулась к мальчишке, он продолжал лежать. Алиса плюхнулась на землю, сложила ноги крест на крест и смотрела, как поднимается и опускается его грудная клетка.

– Молодец, дыши глубоко. Посидим тут немного, – предложила она.

Сумерки опускались все ниже, становилось темнее. Перекосившиеся фары пикапа отбрасывали два пучка света на деревья в саду. Она видела, как в лучах их света мечутся из стороны в сторону пчелы. Аварийка тикала, как нервный кухонный таймер, и сердце Алисы билось в том же ритме. Парень смотрел в

небо.

– Сейчас вернусь, – сказала она. Пошла обратно к пикапу, взяла бутылку с водой и посмотрела на раскиданные ульи на заднем сиденье машины и в канаве. Тысячи пчел сидели на седушке и порхали крылышками, распространяя секрет своей семьи. Приподняв брюшко и обнажив железы Насонова, они распространяли феромон, который позволит им найти свою матку. Полный кавардак. И ему придется подождать.

Она вернулась к парню и протянула бутылку.

– Пить не хочешь?

Он покачал головой, и Алиса снова присела рядом с ним.

– Ты ранен? – спросила она и потом поморщилась. Он же колясочник, прости Господи. – Где-нибудь болит?

Мальчишка снова покачал головой. Что за волосы! Клювоподобный нос выступал на бледном лице. Джинсы в обтяжку под армейские бутсы. Как инопланетянин, честное слово, будто с неба что ли свалился в округ Худ Ривер.

– Головой не ударился?

– Не сильно. Она вроде… отскочила, когда я упал.

Алиса поняла, что у нее перехватило дыхание, и она выдохнула.

– Как тебя зовут?

– Джейк.

– Джейк. Я Алиса. Алиса Хольцман.

Потом он посмотрел ей в глаза и кивнул. Алиса немного расслабилась. Она учуяла запах холодной воды из оросительного канала и обрадовалась, что

парень туда не отлетел. Галька впивалась в тело через комбинезон. В угасающем свете бледное лицо мальчика с безумной прической светилось. Алиса посмотрела на часы.

– Послушай, Джейк, мне надо позвонить твоим родителям и сказать, где ты находишься. Можешь дать мне их телефон?

Он покачал головой и поморщился от боли.

– Не надо, все в порядке. Я встану через секунду. Их по-любому еще нет дома.

Концовка была больше похожа на ложь, но, учитывая, что у них наверняка были с собой сотовые телефоны, не имела значения.

– Поня-ятно, – протянула она, не зная, что еще сказать. Алиса не общалась с мальчиками-подростками с тех пор, когда сама была подростком.

– Кажется, сесть смогу, – сказал парень.

Он поднялся на локтях, выдернул из ушей запутавшиеся наушники и убрал очки с шеи. Он осоловело заморгал и оглянулся вокруг.

– Что это за шум? – спросил он.

В воздухе вокруг них все пульсировало и вибрировало. В ослабевающих лучах угасающего света Алиса видела над пикапом колышущееся облако. Воздух рассекали взволнованные вопросы. Где матка? В безопасности ли колония? Пчелы-охранницы стояли на страже? Где все? Где дом? Несмотря на ситуацию с мальчиком, которая срочно требовала каких-то действий, на глазах выступили горькие слезы, когда она увидела, что сделала со своими пчелами. Она прокашлялась.

– Это пчелы. Медоносные пчелы, – сказала Алиса. – У меня в багажнике лежали ульи, сейчас пчелы в полной растерянности. Мне очень жаль, что все так произошло. Я тебя не видела. Наверное, я превысила скорость, но это моя дорога, и я тут редко вижу каких-то людей. И уж точно я не ожидала увидеть…

Она прервалась, смутилась. Мальчик смотрел на нее, и ей показалось, она увидела, как дрогнули его губы.

– Не ожидали увидеть, как инвалидная коляска ломится под откос Рид-стрит? – спросил он.

Она не знала, что ответить.

Мальчик перенес вес на другую руку и оглянулся через плечо в сторону пикапа.

– Пчелы, значит? И откуда у вас пчелы в машине?

– Я пчеловод, – ответила она, обрадованная, что можно сменить тему. – Это просто хобби. Она махнула рукой вдоль дороги в сторону своего дома. – У меня дома несколько ульев.

– Пчелиные улья. Ух ты.

Он смотрел, как пчелы летали туда-сюда в свете прожекторов.

– Судя по звукам, они в бешенстве, – сказал он.

Алиса покачала головой.

– Нет, это не так. Я бы сказала, что они в растерянности.

Как его зовут он сказал? Не память, а наказание! Она старалась контролировать свой голос.

– Они как бы разговаривают друг с другом сейчас, выясняют все ли в порядке со всеми. Они должны быть в своих ящиках. Некоторые из них выпали из машины, когда я врезалась в забор.

Она пригляделась к его худому лицу. Что нужно делать, когда кто-то ударился головой? Задавать вопросы? Джейк! Его зовут Джейк.

– Как голова, Джейк? Получше?

Он прикоснулся к бритому темени и кивнул.

– Ты знаешь, где ты? И что ты собирался здесь делать?

Он улыбнулся.

– Не парься. У меня нет сотрясения. Я на Рид-роуд. Сегодня 10 апреля 2014 года. Я живу в округе Худ Ривер, штат Орегон, а Барак Обама – президент Соединенных Штатов Америки.

Улыбка сползла, он нахмурился.

– Но я не помню, как вас зовут, – сказал парнишка.

– Алиса Хольцман, – ответила она.

– Со мной все хорошо, миссис Хольцман.

Так, вроде с парнем все в порядке. Она посмотрела на пикап. Сначала надо разобраться с этим бардаком, а потом доставить мальчика домой.

– Послушай, Джейк, если ты не против, я пойду проверю пчел.

– Да, конечно. Без проблем.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Никуда не уходи, – попросила она и встала на ноги.

– Хорошо, убегать не стану, – ответил он.

Она притормозила. Это шутка или нет?

Он махнул своей длинной рукой.

– Да ладно-ладно, я в порядке. Идите к своим пчелам, миссис Хольцман.

– Зови меня Алисой, – ответила она. – Миссис Хольцман – это моя мама.

– Хорошо, Алиса, – ответил Джейк.

Алиса натянула свои перчатки и шляпу с сеткой, включила красный фонарик, морально готовясь увидеть полученный ущерб. Семь ульев остались в машине. Она поставила их вертикально и поправила крышки. Другие пять раскиданы по дороге вдоль обочины. Она знала, что там окажется много мертвых пчел, но пока надо сконцентрироваться на том, что еще можно спасти.

– Такие звуки, как будто мы смотрим ужастик! – крикнул пацан.

– Нет, все нормально, – отозвалась Алиса. – Через пару минут все будет хорошо. Ты как?

– В порядке, – ответил он.

За двадцать минут она собрала все рамки и расставила ульи, чтобы создать хотя бы видимость порядка. Дважды ей ужалили руки. Ничего не поделаешь. Сейчас надо спасти тех, кто еще остался в живых. Алиса повернулась к Джейку, который подполз к камню и оперся на него спиной. С такими длинными ногами и разноцветными волосами он был похож на тропическую птицу.

Когда Алиса потянулась и схватилась за кресло, парень на нее вытаращился. Она отпрянула, смутившись, и задумалась, чем же могла его задеть.

– Я хотела посмотреть, что с креслом, – сказала она с вопросительной интонацией.

Его лицо расслабилось, мальчик кивнул. Алиса поставила кресло и прошлась красным фонариком по правой стороне. Есть царапины, но они скорее всего от

падения. Мотнув кресло по кругу, она поняла, что так и есть – хорошо. Она все еще слышала пчел, но жужжание постепенно уменьшалось. В воздухе должно быть летали сотни пчел.

Парень поерзал спиной о камень и уставился в пространство мимо нее.

– Так что, они, типа, живут в таких ящиках?

– Это временно, – ответила Алиса. – У меня дома для них приготовлены хорошие ульи. Эти ящики только для перевозки, как перевозят скот, например, – ответила она, исследуя левую сторону кресла на предмет повреждений, но их не было.

– А как вы их обратно загоните? – спросил Джейк. – Малюсенькими пастушьими собачками? Крохотными лассо?

Она посмотрела на него и увидела, что он снова улыбается. Странный парень, подумала она.

– Скажем так, они заберутся обратно, как только стемнеет и станет достаточно холодно, – сказала она. – Я дам им еще пару минут. Потом отвезу тебя домой.

– Не торопитесь, – ответил он.

– Слушай, мне бы было спокойнее, если бы ты позвонил своим родителям, Джейк. Правда.

Он вздохнул и вытащил телефон из кармана.

– Хорошо, – ответил он. – Я вас понял.

Он напечатал сообщение в телефоне.

– Сделано, – ответил он и улыбнулся.

– Спасибо, – сказала она. – Я бы не хотела, чтобы твои родители беспокоились. Я и так себя достаточно паршиво чувствую из-за всего этого…

Алиса наклонила коляску вправо, прокрутила левое колесо – крутится хорошо и вроде ничего не сломано. Она не самый лучший механик, но вроде бы коляска на ходу. Она бы настояла на оплате ремонта. «Нужно ли регулировать коляску как велосипед?» – подумала она.

– Ну, фактически, вы ничего не сделали. Я сам упал, пытаясь убраться с дороги. Поэтому я скажу им только, что вы прогнали меня с дороги.

Алиса нахмурилась, все еще изучая коляску, и ничего не ответила. Это он пытается так пошутить?

– Все в порядке, правда. Я просто…

Он умолк и посмотрел мимо нее на пикап. Потом взгляд немного переместился на нее.

– А можно еще про пчел спросить, Алиса? Вы просто ждете, когда они залетят обратно в ящики?

Она кивнула.

– Да. Они сами найдут дорогу обратно. Они хотят вернуться домой.

– А что с ними случится, если они останутся на улице после комендантского часа? Мама-пчела закроет дверь?

Алиса отставила коляску, но на него не смотрела. – Если они не вернутся домой до того, как упадет температура, они просто не выживут.

– То есть?

– Скажем так, – ответила она, – если пчела под вечер не успевает вернуться в улей, она умирает. Снаружи слишком холодно.

По его лицу пробежал легкий испуг, что ее слегка удивило. Он выключила фонарик.

– Большинство их них справится. Они выносливые, – обнадежила она его. Ее тронуло, что мальчика подросткового возраста может заботить судьба таких маленьких созданий.

– Мой папа всегда называл их «крепкими дамочками», – ответила она.

Он ухмыльнулся и посмотрел вдаль.

– То есть, они могут залететь в любой ящик? – спросил он.

– Тебе правда интересно?

Он кивнул.

Алиса посмотрела в сумеречное небо, на маленькую пчелку, которая жужжала над пикапом. Она любила истории про пчел, которые напоминали ей детские сказки. Даже если вы ученый или религиозный человек, вы не сможете отрицать, что у пчел есть настоящая магия.

В улье живет шестьдесят тысяч пчел, объясняла она, и одна матка – лидер и мать для всех них. А 97 процентов других крохотных золотых телец, летающих в округе, – это ее дочери. Оставшаяся часть – это мужские особи, которых называют трутни. Дочери и сыновья узнают свою матку по запаху, который называется феромоном. Феромон матки говорит: «все в порядке», «мы вместе», «ваше место здесь».

Как только они появляются на свет из закупоренных сот, эти золотые мохнатики уже знают, что им надо делать. Дочери называются рабочими пчелами, объясняла Алиса Джейку в уходящем свете сумерек. Первое, что они делают после вылупления, когда они еще молодые пчелы, это чистят ячейку, в которой родились. Потом они становятся помогать с другими новорожденными пчелками: выкармливают личинки и обучают других новорожденных рабочих пчел, как участвовать в жизни улья. Она рассказала Джейку, как пчелы-работницы с возрастом продвигаются вверх по служебной лестнице, все ближе и ближе ко главному входу в улей, чтобы получать нектар и пыльцу от пчел, которые летают по округу и собирают их в поле: она называются летные пчелы, объясняла она. Пчелы-охранницы следят за входом и впускают только тех пчел, которые живут этом улье.

– А как они это узнают, – спросил Джейк. – Ну, кто есть кто?

Они узнают друг друга по запаху, сказала ему Алиса. Если матка здорова и откладывает яйца, всех объединяют ее феромоны. Если их что-то беспокоит, то они тут же прекращают свою работу и обнажают секретную железу на брюшке, которая будет передавать от одной пчелы к другой характерный запах с кислинкой. Летные пчелы, которые занимаются сбором и доставкой необходимых веществ, переносят этот запах на себе и возвращают его обратно в улей. Такой запах позволяет пчелам-охранницам идентифицировать их как местных жителей, а не воров.

– Что вы имеете в виду? Пчелы крадут друг и друга?

Она кивнула.

– Голодающие пчелы могут прилететь в другой улей и украсть чужой мед, так что у главного входа всех проверяют. Осы тоже могут пролезть. А еще они едят личинок и яйца – маленькие хищные сволочи.

«Черт!» – подумала она. Думай, что говоришь! Она глянула на часы. Сколько они здесь сидят? Она с тревогой поняла, что пора бы отвезти мальчишку домой.

Жужжание смолкло, в воздухе оставалось несколько пчел.

– Почти все. Лучше уже, наверное, не будет.

Алиса поднялась, отряхнулась и развернулась к пикапу. Она не хотела, чтобы мальчик видел ее лицо. Потеря даже одной пчелы ее расстраивала.

Она вздрогнула, почувствовав, что температура резко упала, но в такую апрельскую ночь, как эта, привычное дело. Она развернулась к Джейку, поняла, что его надо как-то перенести в машину, и решила как обычно рубить с плеча.

– Так, давай, – сказала Алиса. – Скажи мне, как помочь тебе встать, и я отвезу тебя домой.

Джейк объяснил, как поставить кресло перед ним и зафиксировать колеса, а потом сам подтянулся на руках и сел в кресло. Алиса попыталась что-то сделать, но увидела, что он прекрасно справляется и без нее, и остановилась. Он подтянул нижнюю часть туловища, а потом обеими руками поставил сначала одну ногу, потом другую на подножку. Он посмотрел на темную, неровную землю и задумался. Алиса почувствовала его смущение.

– Слушай, – сказала она, – Сделай одолжение нервозной даме – позволь дотолкать тебя до пикапа, хорошо?

Он пожал плечами, но отвел взгляд.

Алиса довезла его мимо всех ям до пикапа и открыла дверь. В машине, как всегда, полный бедлам. Засмущавшись, она кинула ворох бумаг и книг на заднее сиденье, чтобы освободить немного места. Потом она встала с сторонку, чтоб парень осмотрел свое пассажирское место. Она спросила, может ли чем-то помочь, но мальчишка покачал головой. Джейк заехал коленями вперед к двери пикапа. Поднял ноги, одну за другой, и поставил их на пол машины. Потом с точностью скалолаза он протянул руки и зацепился за ручки на полотке и сиденье и втянул себя внутрь кабины.

Джейк уселся, и Алиса заметила, как тяжело ему это далось, он весь вспотел. Она передала ему его рюкзак, и он объяснил, как сложить коляску. Она оказалась легче, чем она думала, и Алиса прицепила его ремнем в багажнике. Сев за руль, она оглянулась на Джейка, который осматривал темное небо.

– Похоже ты права. Я больше не вижу в воздухе никого.

Алиса кивнула, но ничего не сказала. Она подумала о неподвижных, холодных тельцах, раскиданных вдоль дороги.

– Так, ну ладно. Куда едем?

– Гринвуд Корт. За магазином NAPA Auto, – сказал он.

– Ты прикалываешься? Мать родная! Ничего себе прогулочка на 16 километров, – она потрясенно покачала головой и увидела, как он нехотя улыбнулся.

Она повернула ключ, и в машине заорал голос Брюса Спрингстина: Oh, oh, oh, oh! Thunder Road!

– Господи! – проорала она и ударом выключила магнитолу. Она почувствовала, как на лице и руках стал выступать холодный пот.

Мальчик закинул голову назад и захохотал во все горло.

– Неудивительно, что вы меня не увидели, Алиса, – сказал он. – Отрываетесь под босса? Да у вас еще двухкассетный магнитофон! Круть!

Он хлопнул в ладоши, и Алиса улыбнулась, поборов смущение. Она посмотрела на свою коллекцию кассет на передней панели.

– Можно посмотреть? – спросил он.

– Валяй, – сказала она и тронулась с места, когда он полез копаться в кассетах. Она убрала громкость и снова включила магнитофон.

– Посмотрим… Боб Дилан. Классика. The Fixx. Сойдет. Конечно, проходимый альбом – это только «Reach the Beach». А что у нас здесь – Ни фига себе. Фил Коллинз? Какой кошмар. Это преступление! Можно я сразу сойду.

Они стояли на светофоре, и он притворился, что открывает дверь.

– Genesis – прекраснейшая группа! – запротестовала она. – Как здесь оказались его сольники, я не знаю!

– Нет слов. Мне за вас обидно, Алиса.

Надо же какой умник! Алиса оперлась на руль и засмеялась. Когда она смеялась в последний раз?

Когда она повернула на Гринвуд Корт, он обвинил ее в том, что наверняка у нее где-то припрятан набор кассет Мадонны, и тут его улыбка испарилась. Она сбавила скорость на неровной дороге и проехала мимо керамического осла с осыпающимися ногами и корзиной выцветших искусственных цветов. Ослик с

перебитыми ногами почему-то сильно Алису расстроил.

– Можешь меня здесь высадить, – тихим голосом сказал Джейк.

Перед голубым мобильным домом фары Алисы осветили женщину: скрещенные на груди руки и обеспокоенное лицо. Она заглушила двигатель.

– Видимо, это твоя мама?

– Угу.

– Пойду объясню, что случилось, – сказала она и выпрыгнула из грузовика.

– Нет, Алиса. Подождите!

Мать мальчика нервно зашагала по гравийной дороге, сокращая разрыв между ними, и еще глубже запахнула свой серый кардиган. Не успела Алиса открыть рот, чтобы объяснить, что произошло, как мама Джейка резко двинулась в сторону пикапа.

– Джейкоб, дорогой! Ты в порядке?

– Все хорошо, мам, – начал мальчик. – Алиса ни в чем не виновата. Это я был невнимателен.

– Стоп. Что? – мама круто повернулась к Алисе. – Вы сказали, что нашли его. Вы сбили моего сына?

Она тыкнула пальцем в лицо Алисе.

– Вы что, пьяная? Что за безответственный…

– Да нет, не в этом дело…

Потом мать Джейка начала кричать, и Алиса повысила голос, чтобы та ее услышала.

– Уважаемая! Успокойтесь, пожалуйста, я вам все…

Входная дверь с треском распахнулась, и из дома вышел человек с загорелым лицом, перекошенным гримасой гнева.

– Какого черта тут происходит? – заорал он.

Мать Джейка пыталась понять, как открыть откидной задний борт, чтобы достать коляску, и громко всхлипывала.

Джейк высунулся из окна и крикнул ей:

– Мама, ты можешь просто успокоиться!

Алиса повернулась к отцу, надеясь объяснить, что с сыном все в порядке, но тут же сообразила, что папаша впал в ярость только потому, что они прервали его планы на вечер. Он навис над ней, тыча пальцем в лицо, и наговорил несколько непристойностей. Внезапно рядом появился пацан.

– Эд! Заткнись! – крикнул он. Мужчина с ухмылкой глянул на мальчишку, плюнул Алисе в ноги и пошел обратно внутрь.

– Алиса… – сказал Джейк.

Она взглянула на него и не сказала ни слова. Только развернулась на каблуках и ушла к грузовику.

– Подожди! – закричал парень.

Она влезла на переднее сидение и увидела, как Джейк вырывается от матери, чтобы поехать к ней. Ей казлось, что она бросала его на произвол судьбы. Что за бред. Она его даже не знает. Алиса отбросила эту мысль и уехала. Она полетела домой, как заблудившаяся рабочая пчела, которая пытается найти дорогу в безопасный улей в непроглядной темноте, опустившейся на долину.

Выбор места для пасеки

Самый простой по конструкции улей является наиболее приближенным к природе вариантом места жительства пчел; простое полое гнездо, где они могут складывать свои запасы, не боясь непогоды.

«Лангстрот об улье и медоносной пчеле,

руководство для пчеловода» 1878 года

Ветер громыхал вокруг дома целую ночь, как будто что-то потерял и теперь надеялся найти. Он забирался под подоконники и рыскал по углам, заставлял дребезжать дверные ручки и свистел по коридорам. Алиса лежала в кровати и слушала. Она жила в долине между древним вулканом и ущельем реки, а это значит, что ты обречен жить вместе с ветром. Она выросла рядом с течением западных ветров, которые взбивали реку в пену все лето и колотили деревья во время снегопада зимой. В детстве она считала, что ветер – это живое существо, такое животное с гигантскими крыльями, которое скачет по долине. А иногда он танцевал, и в садах развевались подолы его объемных юбочек. В другое время он похож на стрелу, которую метнули между витринами магазинов и в узком переулке в центре города. Сегодня ветер был похож на квелого невротика, который бился об стену в углу комнаты, как потерявшаяся медоносная пчела. Он был похож на воспоминание, желание или забытую мечту.

Алиса услышала пульсирующее уханье совы – сигнал о том, что до рассвета еще далеко, и в лесу еще хозяйничала ночь. Она задремала и проснулась под траурное гульканье голубей, которые серым шквалом опустились на поилку для куриц около пяти утра. Рыжий Нед, верный петух породы бентам, начал свой предрассветный клич. Она пыталась себя убедить, что ей не давали заснуть ветер, птицы и курицы. Не мальчишка. Она окончательно проснулась, когда ей в

голову пришла эта мысль и безоговорочно устроилась у нее на груди, как упрямая кошка, которая не собирается никуда уходить. Мальчишка. Свесив ноги с кровати, она вздохнула и выпрямилась. Мальчишка, как же. Конечно, она думала о нем вчера весь день напролет – в том числе на работе.

Алиса сделала кофе и села на стул, поставила локти на раскладной пластиковый стол и выглянула во двор. Да все у него нормально. С коляской тоже скорее всего порядок, но две ночи назад она не успела в этом убедиться из-за всей этой суматохи. Мать просто за него беспокоилась, это понятно. Ее даже не волновало, что ей наговорил отец-кретин. Она думала о состоянии мальчика. Что Джейк делал целыми днями? У него была работа? Он ходил в школу? По-моему, он сказал, что закончил школу. Но чем он наполнял свою жизнь? Какой может быть жизнь с таким отцом?

«Алиса, дорогая. Да чем вообще ты могла помочь этому мальчику?»

Она почти слышала голос своего отца – с быстрой модуляцией и тем, что осталось от немецкого акцента.

«Он не твоя ответственность. О нем есть кому позаботиться».

Ал бы так и сказал. Хотя чья бы корова мычала. Ал Хольцман всегда повторял, что люди должны заботиться о себе сами, но при всем при этом оставался серийным филантропом. Его не заботили проблемы других людей. Его заботили решения этих проблем. Он это так объяснял. Со временем у Алисы сложилось такое впечатление, что он всегда задавал этот вопрос – да чем ты вообще можешь помочь? – потому что, если он видел, как действительно можно, то обязательно помогал. Он поддерживал других невидимой рукой, не привлекая к себе внимание. Он оплачивал покупки миссис Трэвис, когда стоял настолько далеко впереди ее бело-седой кудрявой головы в кассе «Литл Бит», понимая, что та ничего об этом не услышит, потому что знал, что она живет на пенсию вдовы. В холодный осенний день он мог привезти вязанку дров Тому Конноли, у которого дом насквозь продувается сквозняками, приговаривая, что это пустяк и он все равно их достал по дешевке. Он мог выплатить залог Хуана Гарсии в автомастерской. От этого Марина приходила в ярость. Но Ал просто говорил, что Гарсия – хороший человек и у него четверо детей. И он лежал в больнице с грыжей межпозвоночного диска. Как Ал узнавал все эти подробности – загадка. Ее ничем не примечательный отец знал детали очень многих жизней.

«Чем ты вообще можешь помочь этому мальчику, Алиса, малышка?»

Если на этот вопрос есть какой-то четкий ответ, то нет смысла дальше его мусолить. Это был четкий совет от Ала, даже из могилы.

Алиса вздохнула.

– Ничего на ум не приходит, пап.

Она высыпала хлопья в миску и жевала, стоя над раковиной. Насыпала еще одну ложку сахара в чашку с кофе. Она знала, что питается отвратительно, но ей было плевать. Перед этим она на ночь съела пачку печенья, одно за другим, так, как будто это была ее работа. Она знала, что пустота гложет изнутри не от голода, но сахар – самое быстрое решение.

Алиса взяла свой блокнот во двор, чтобы расписать план на день, с благодарностью вспоминая, что сегодня суббота и ей не нужно ехать в офис. Ветер прекратил суетиться, утро выдалось славным. Через тополя на ручье пробивались лучи солнца. Оно согревало ульи с белой стороны, так что ее девочки были в полной готовности к новому дню: золотые мохнатики порхали над клевером, залетали в сад к Дагу Рансому и отправлялись дальше, бог знает куда. Они разлетались по своим делам на пять километров вокруг. Хотела бы Алиса проследить за ними и выведать все их пчелиные тайны. Вот бы придумали маленькие веб-камеры, подумала она, и вспомнила шутку Джейка про крошечных пастушьих собак и лассо. Они присела на пень и просмотрела вчерашние записи, когда она устанавливала ульи перед рабочим днем.

Пятница, 11 апреля 2014. Восход: 6:27, темп.: 17/6 градусов, скорость ветра: 4–8 м/с, осадки: 0 мм, закат: 19:47. Всего ульев: 24. Примечания: установила 12 российских нуклеусов в северо-восточной стороне пасеки. По пять рамок для роя, перги и меда в каждом улье. Ульи датированы и пронумерованы 13–24. Пересадка без происшествий.

Алиса криво улыбнулась на последнем предложении. Сама пересадка из нуков прошла как по маслу, но ей показалось, что стоит как-то отметить необычный эпизод, когда она сбила тинейджера на инвалидном кресле предыдущим вечером перед тем, как пересадить пчел. Она поставила звездочку над словом «происшествий», подписала «(Джейк Стивенсон*)» внизу страницы и вернулась

к работе, запланированной на сегодня.

«Суббота, 12 апреля 2014», записала она. Указала время рассвета, прогноз самой высокой и самой низкой температуры и скорость ветра. Потом: «Задания: полный плановый осмотр ульев 1–12». На это у нее уйдет несколько часов.

Алиса надела шляпу с сеткой и перчатки и начала аккуратно проверять первые двенадцать ульев, состоящие из двух корпусов – один друг над другом. Она сняла крышу у первого при помощи стамески, отложила ее и сняла утеплитель. Она поддела и вынула рамку. Поднеся ее к лицу, проверила наличие яиц, личинок и запечатанного расплода. Проверила запасы перги и меда. Отставила рамку и вытащила следующую. Пока солнце понималось в зенит, она проделала эту работу на всех десяти рамках верхнего и нижнего корпуса двенадцати ульев. Только две пустовали. Возможно, в них матки не перенесли зиму. Там она нашла большой расплод трутней, который означал работу трутовки, но никаких маточников обнаружено не было. Алиса решила добавить рамки от здоровых ульев, чтобы немного их подстегнуть.

Она проверила записи и нашла два сильнейших улья. В первом были рамки с закупоренным медом по краям, полосы золотой и оранжевой перги и ряды здорового расплода. Алиса вдохнула сладкий аромат воска и меда. Вот это другое дело. Если в проблемных ульях матки умерли, такие крепенькие рабочие пчелы смогут произвести еще одну недельки через три. Она оставила в блокноте напоминание проверить маточники через пять дней и продолжила работать, напевая себе под нос, и перенося две здоровые рамки в два слабых улья.

Алисе всегда была по душе эта часть пчеловодства: поиск решения проблемы. Каждый улей – живой организм с разными потребностями. Пчелы восхищали ее. Какие целеустремленные создания, без передышки работают на благо всей семьи. Они создавали такую красоту – для запасов меда, конечно, но внутри также была вощина и удивительнейшие запасы перги всех расцветок: от лимонно-желтой до тыквенной и рубиново-красной. Она поражалась, как простое хобби, пасека, поначалу состоящая из одного улья, теперь насчитывала двадцать четыре. Алиса стояла в лучах солнечного света, вокруг сетки на голове жужжали пчелы, и она задумалась об этой цифре. Двадцать четыре – это почти половина от пятидесяти. Похоже, что это переломный момент. Она сняла шляпу, присела в тени и окинула взглядом пасеку, посасывая кончик карандаша. Места для роста достаточно. К концу лета можно разместить пятьдесят ульев, если аккуратно следить за разбивкой и поймать парочку диких роев.

Эта мысль привела ее в радостное возбуждение, которого она не испытывала уже давно. Практичная по природе и склонная сперва разбираться с проблемами, сейчас она просто подумала, а почему бы и нет? Алиса нашла в блокноте записи с прошлого лета, тогда медосбор, принес от 24 до 40 литров с каждого из двадцати ульев. Он продала все на ярмарке по 20 долларов за кварту, что принесло в общем счете 6000 долларов чистой прибыли. Неплохо так. Это ее еще больше воодушевило. Что же она будет делать с таким количеством ульев, таким количеством меда? Мысль пришла моментально: она сможет перевезти сюда сад. Алиса окинула взглядом свои владения, земля была плоской и утопала в солнце. Небольшой садик, ей и не нужен такой исторический гигант, как у семьи Хольцманов. Просто ее собственный. Почему бы нет?

Ей понадобится помощь. Как пить дать. В одном только августе медосбор будет немалый, а еще деревья сажать осенью. Она не могла позволить кого-то нанять, особенно накануне открытия ярмарок меда и разведения маток. Алиса мерила шагами пасеку, чтобы понять, сколько ульев поместится – ее энтузиазм только увеличился.

Вернувшись домой, она открыла на компьютере страницу фермерского рынка и просмотрела раздел тематических объявлений. Люди не так много предлагали. От десяти до пятидесяти долларов в час или даже меньше за ВВОФеров. Алиса фыркнула.

– Забирайте себе своих ВВОФеров, – сказала он вслух.

Волонтеры из организации Всемирные возможности на органических фермах. Она недавно их видела, молодые ребята из Австралии за прилавками на фермерском рынке. Хиппи с грязными волосами, типа Джойфул, работали в обмен на проживание и питание. Нет, спасибо, подумала она. Она не хотела быть тур-гидом и не горела желанием приютить какого-нибудь в своем доме. Алисе нравилось жить одной в лощине. От самой фразы «коммунальная квартира» у нее мурашки побежали по коже. Еще в детстве она полюбила одиночество. Алиса-совсем-одна. Папа ее понимал. Родители тоже любили уединение. Ее все устраивало. Обычно, по крайней мере.

Она открыла форму для размещения объявлений и напечатала: «Нужен помощник на летний период, на полставки. Работа на пасеке. Опыт не

требуется. Должен поднимать груз весом 50 килограмм. Базовые строительные навыки будет плюсом. 13–15 долл. в час, торг. За подробностями обращайтесь по тел. 541–555–2337 или на эл. почту: al.holtzman@gorge.net».

Она рассчитывала, что за такие деньги придет какой-нибудь старшеклассник, и с ним она сможет выполнить основную часть работы к началу учебного года.

Днем в этот же день Алиса занималась разными мелкими делами – надо заехать в магазин стройматериалов Эйса забрать наждачную бумагу и малярные кисти, и – как бы ей не хотелось этого делать – в чертов продуктовый магазин, купить что-нибудь съестное, кроме хлопьев на завтрак. Она боялась идти в «Литл Бит» – и не только из-за панической атаки, которая у нее там произошла. Единственный продуктовый в Худ Ривере был сродни рыночной площади, а Алиса ненавидела светские беседы. Пожилые люди ходили за покупками по утрам, а молодые семьи – днем. Утром и днем она могла наткнуться на подругу своей матери или знакомого со школы. Алиса ходила в магазин только по вечерам и никогда по выходным. По вечерам в будни там гуляли только молодые мужчины и целые семьи мексиканцев. Они тоже не хотели останавливаться, чтобы перекинуться парой слов, ну уж по крайней мере, не с ней. Но в холодильнике мышь повесилась, поэтому придется потерпеть.

Выйдя от Эйса, она запрыгнула в пикап и кинула бумажный пакет с покупками на пол. Откинула ветровку, чтобы освободить место. И тут ей на глаза попался маленький рюкзак. И так догадавшись, что он наверняка принадлежит Джейку, Алиса все же открыла его и вытащила бумажник. На фотке мальчишка широко улыбался, безумная прическа исчезала за кадром. Джейкоб Тодд Стивенсон, дата рождения: 2 февраля 1996 года. Глаза карие, брюнет. Рост: 178 см, вес 66 кг. Ну да, пацан. Только если на тебе пояс с грузами. Похоже, мальчики и девочки врут про свой вес по-разному. Нужно будет завезти, подумала она, и почему-то сердце застучало радостнее.

В продуктовом Алиса вынесла свою долю страданий, натолкнувшись на Мэри Кондон. Мэри была близкой подругой мамы Алисы и стала причитать о недавней операции на тазобедренном суставе. Алиса была не против послушать. Это проще, чем разговаривать со своими старыми друзьями, которые автоматически смотрели на нее печальными глазами и брали за руку.

– Как ты себя чувствуешь, Алиса? – спрашивали они. Ну что за вопрос.

Когда она повернула к стеллажам с хлопьями, она узнала со спины Деби Джеффрис, менеджера из окружного отдела планирования. Ее тележка была доверху забита покупками и с обеих сторон свисали три мальчика, голосящие как пираты. Алиса подумала, что перебьется и без хлопьев и направилась к кассам.

Она поехала по Двенадцатой улице, повернула на Гринвуд-корт. Желтый «Форд» стоял припаркованный у дома номер одиннадцать с наклейкой: «Бог – мой второй пилот». Она вспомнила сцену, которая разыгралась здесь пару дней назад, и глубоко выдохнула. Она выключила двигатель и осталась сидеть в машине, слушая, как тикают секунды. Это вежливость маленького города – повременить немного на подъездной дороге, если хозяева не ожидают гостей. Спустя пару минут дверь отворилась, и мама мальчишки вышла на улицу, прикрывая рукой глаза от солнца. Она помахала рукой и, улыбаясь, сделала несколько шагов в сторону Алисы. Алиса вышла из машины и подняла рюкзак, как флаг парламентера.

– Здравствуйте! – крикнула она. – Надеюсь, не помешала. Я вот что хотела завезти.

Мама Джейка продолжала улыбаться. Подойдя к Алисе поближе, она протянула руку.

– Меня зовут Тэнси. Тэнси Стивенсон. Вас зовут Алиса, верно?

Алиса кивнула и улыбнулась. Тэнси пожала ее руку. Она слишком долго ее трясла, Алису это смутило: так жмут руку близкие люди. Она отняла руку, но Тэнси, видимо, ничего не поняла.

– Простите за предыдущий вечер. Мне было очень неловко, когда Джейк рассказал, что случилось. Мы с Эдвардом очень вам благодарны, что привезли его домой в целости и сохранности. Слава Господу, вы смогли помочь.

Алиса что-то засомневалась, что муж Тэнси хоть за что-нибудь возносил хвалу Господу, но, увидев, как на глазах этой женщины в розовых очках и кудряшках наворачиваются слезы, она прониклась к ней сочувствием. Тэнси была моложе ее, но носила юбку-колокол из полиэстера, нейлоновые колготки и туфли на низком каблуке. Алиса внезапно устыдилась своего грязного комбинезона и

панамки, натянутой на волосы.

– Да что вы, – отмахнулась Алиса. – Пожалуйста. Мне, наоборот, страшно неудобно за всю эту ситуацию. Я не разглядела его в темноте.

Тэнси вздохнула, приложила пальцы к вискам и покачала головой.

– Я пыталась заставить его пообещать мне, что он не станет убегать никуда без присмотра, но он такой упрямец.

Она попыталась рассмеяться, но Алиса видела, что глаза у нее еще на мокром месте.

– В последнее время Джейкоб не проявляет интерес ни к чему…

Ее голос затих.

Алиса не знала, что сказать. Печаль в голосе этой женщины красноречиво говорила о паузе в жизни ее юного сына.

– Что ж, – начала Алиса, – я бы хотела оплатить починку коляски, если там что-нибудь сломалось.

Тэнси улыбнулась, достала бумажную салфетку из манжеты и промокнула глаза.

– С коляской вроде бы все в порядке, спасибо, что предложили.

Нужно обменяться номерами на всякий случай, сказала Алиса. Она вернулась к пикапу, чтобы взять ручку. Записала адрес своей электронной почты и номер телефона на чеке с покупками из магазина Эйса и осознала, что специально тянет время – она хочет увидеть мальчишку. Скрипнула раздвижная дверь, и выехал он, с ирокезом и всем, как полагается. Она заметила темные круги под глазами и нездоровую бледность. Его губы расползлись в осторожную улыбку.

– Привет, Алиса! – крикнул он. Джейк съехал на инвалидной коляске по пандусу и затормозил прямо перед ней. Алиса заметила, как он плавно, даже грациозно, ей управляет. При ярком дневном свете он выглядел еще младше. Она

пожалела, что два дня назад сорвалась так резко, какая вообще разница, что сказал его тупорылый отец.

Он заметил, что мама держит его рюкзак.

– Спасибо. Я по нему скучал, – усмехнулся он.

– Нет проблем, – ответила она и улыбнулась в ответ.

– Как дамочки устроились? – поинтересовался Джейк. – Все в порядке после их большого путешествия?

Алиса ухмыльнулась:

– Да, они обживаются пока.

– Отлично. Как ты и сказала, крепкие дамочки. Все трудятся не покладая рук и воспитывают малышей?

Алисе понравилось, что он запомнил ее слова.

– Еще как, – кивнула она.

Тэнси перевела взгляд с Алисы на Джейка и обратно.

– Пчелы, мам! Я же тебе рассказывал. Она пчеловод, – сказал Джейк.

Он стал водить руками в воздухе, широко распахнув глаза.

– У нее дома тысячи пчел. Тысячи!

– Ну, на самом деле десятки тысяч, – уточнила Алиса. – В каждом нуклеусе в моей машине вчера было примерно по десять тысяч пчел.

– Ничего себе! Обалдеть!

– Джейкоб. Не ругайся, пожалуйста.

– Извини, мам, – сказал он. – Ну, правда.

Он наклонил голову и понизил голос:

– Ты бы видела, как они разлетелись, когда Алиса врезалась в забор. Коробки разметало. А она просто вошла в это облако пчел, как ни в чем не бывало, подобрала ульи и поставила обратно в кузов.

Тэнси вздрогнула.

– Они вас жалят?

Алиса пожала плечами. Все задавали это вопрос первым.

– Иногда. Но, как я рассказывала Джейку, они кусаются только тогда, когда чувствуют угрозу.

Алиса ненавидела разговоры про как у кого дела, но любила разговоры о пчелах. Она подумала, что можно рассказать Тэнси о пчелах-охранницах, если ей будет правда интересно. Но Джейк начал сам. Он взглянул на Алису.

– Ага, я вчера почитал про них в интернете. Они крутые. Как Гендальф из «Властелина колец». «Ты не пройдешь!» А еще я почитал про ос-воровок. Что с ними делать? Расставить ловушки с приманкой или пусть сами разбираются?

Алиса начала отвечать, но услышала негромкий рокот включенного двигателя позади в аллее. Она повернулась и увидела отца Джейка, смотрящего на них из окна серебряного «Форда». Двигатель заскулил, когда он дал задний ход и припарковался на улице. Папаша вышел к ним, и они увидели, как его лицо сморщилось от злости, а каждый шаг сигнализировал о тяжести преступления Алисы, которая так несвоевременно приехала.

– …припарковаться на своей собственной аллее! – бормотал он. Когда он подошел к ним, улыбка сошла с лица Джейка, а Тэнси начала заметно нервничать. Отец Джейка оскалился. Что-то подсказывало Алисе, что такие

вещи происходили постоянно.

– А что вы здесь делаете? Помимо того, что стоите на моей территории?

На нем были джинсы Wranglers, отутюженные со стрелкой сбоку и клетчатая рубашка с бейджем, на котором бодрым женским почерком было написано: «Привет! Я Эдвард!» – явно выдали на каком-то мероприятии по работе. Это создавало такой контраст с его сердитым лицом, что Алиса невольно улыбнулась.

– Вы думаете, это смешно, да?

– Эдвард, дорогой, – сказала Тэнси. – Алиса завезла рюкзак Джейка…

– Кажется, я велел вам убраться с моей дороги, – сказал он, игнорируя то, что пыталась втолковать ему его жена. – Прошу вас убраться восвояси. Неужели это так сложно понять, дамочка?

Его голос перешел на какой-то жалобный вой и стал похож на тон нахального ребенка.

Алиса ничего не ответила. Она выросла с добрейшей души отцом. Но ей уже попадались и такие мужчины. К тому моменту как ей исполнилось двадцать пять, каждой женщине попадался хотя бы один такой. Она работала с мужчинами, для которых агрессия – стандартный управленческий подход. Интоксикация тестостероном, как шутили они со своей подругой Нэнси. Но истеричками называли почему-то женщин. Они как маленькие дети, эти злобные мужики, подумала она. Капризные дети, бьющиеся в очередном припадке.

И тогда в голове Алисы что-то щелкнуло. Маленькие мальчишки. Эдвард Стивенсон. Эдди.

– Эдди Стивенсон, – сказала она вслух. – Эдди Стивенсон с Хатч-стрит.

Лицо Эдварда обмякло от удивления.

– Меня зовут Алиса Хольцман, – ответила она, присмотревшись к нему. Да, ему почти сорок, то есть он почти на семь лет моложе, чем она.

– Я была соседкой твоей нянюшки. Джанин Шарп. Помнишь? – Она щелкнула пальцами и засмеялась. – Я помогала ей тебя подмывать, когда тебе было три года.

В голове вихрем пронеслось это воспоминание. Джанин была смешная и очень терпеливо возилась с маленькими детьми. Алиса сидела на полу в ванной комнате и смотрела, как мальчик плюхается в ванной, пока Джанин меняла памперс его сестренке.

Эд неловко переминался с ноги на ногу и побледнел. Джейк смотрел с недоверием, как будто не мог поверить, что его отец когда-либо был маленьким и ходил голышом. Алиса увидела на лице Эда подобие стыда. И страха.

В чем же там было дело? Ах да, та неприятная история всплыла у нее в голове как кислый запах. Она была в девятом классе, когда услышала про эту историю на одной из игр по американскому футболу. Мальчишки поймали дикую кошку на детской площадке перед школой. Замучали ее до смерти. Алиса посмотрела на него и увидела маленького мальчика в этом мужчине. Представила грязные полосы на его носу, загоревшую шею, стрижку ежиком, разорванные шорты. Ему должно быть было лет девять или что-то около того. Его отправили жить к родственникам в город Спокане.

– Да-а, – медленно проговорила она. – Тебя же исключили из младшей школы «Мэй Стрит Элементари» Тебя и Крейга Стоуна.

В их городке такая жестокость встречалась редко. Время как будто замедлилось. Она была очень спокойна и подождала, пока из легких выйдет весь воздух. Но этого не произошло. Что-то поменялось. В глазах не помутнело, наоборот, зрение еще больше обострилось, как и слух. Алиса различила презрительное карканье ворона и почувствовала резкое дыхание весеннего фёна на шее сзади. Она не почувствовала, как раскалывается на тысячу кусочков, она почувствовала цельность. Она витала над ее головой словно благословение.

Эд и тут ничего не сказал, его лицо побледнело и осунулось. Он как будто втянул голову в плечи. Алиса посмотрела на Тэнси, которая схватилась одной рукой за перила пандуса и стояла с закрытыми глазами, тушь растекалась темными дорожками по щекам вслед за слезами. Она знала, за кого вышла замуж.

«Чем ты вообще можешь помочь этому мальчику, Алиса?» – снова прозвучал в голове голос отца. Алиса сделала шаг назад и выдохнула.

– Мне лучше уйти, – сказала она, отворачиваясь от Эда в сторону мальчишки. – Но у меня есть к тебе предложение.

Она передала ему чек из Эйса с телефонным номером и электронной почтой.

– Дело в том, что я ищу работников. Мне нужна помощь на пасеке. Никакого опыта не нужно, работа на полдня. Я сегодня разместила объявление. Посмотри в вакансиях на gorge.net. Если хочешь попробовать, набери меня.

Она услышала эхо своего голоса, когда говорила ему, что можно вычесть питание и проживание из зарплаты. Забудем, что в то утро она отмахнулась от идеи пригласить ВВОФеров-иждивенцев. Слова просто скатывались у нее с языка.

Мальчик смотрел на бумажку без эмоций и с нескрываемым удивлением, впрочем, как и сама Алиса.

Тут Эд снова разъярился и вернулся к жизни:

– Эй, дамочка, не суйте свой чертов нос не в свое дело! Не то я выведу вас отсюда и провожу до самого Оделла, так что кости не соберете, если не уедете сейчас же с моего проезда!

– Эдвард, пожалуйста! – Тэнси схватила своего мужа за руку.

Алиса почувствовала, как белый жар снова опускается на голову и снова с упоением предалась своей фантазии о том, как нанести увечья этому мужчине. Она услышала соседей, которые открывали окна и двери, чтобы послушать.

Рассудок подсказывал, что она не способна причинить кому-то вред. Конечно, нет. Она же Хольцман. Но все равно, Алиса почувствовала, как у нее по жилам течет что-то новое – неистовство, которое каким-то образом приносило ей невозмутимое спокойствие. Она посмотрела Эду прямо в глаза.

– Ну давай, попробуй, – сказала она ровным голосом. – А я позвоню шерифу. Он мой деверь.

– Дамочка, если бы у вас хватило мозгов, то… – прошипел Эд.

– Шикарное предложение, Алиса! – воскликнул Джейк. – Я вообще прямо сейчас готов с вами поехать. Погодите здесь немного.

Мать мальчика отступила назад, сложила руки на груди.

– Джейкоб, – рыдала она.

Эд с усмешкой посмотрел на своего сына.

– Ишь ты, работяга нашелся! И как ты думаешь, у тебя это получится, а? – прошипел он.

Глаза у Джейка стали словно стеклянные, когда он уставился на своего отца.

– Наверное, надо просто посмотреть, что выйдет. Не так ли, Эдди?

Когда он назвал своего отца Эдди, Алиса увидела, как тот снова стушевался. Он открыл было рот, но так ничего и не произнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дешевый дом, который стоит на цементных блоках. Если надо его перевезти на новое место, подсоединяются колеса и тягач. В таком доме нет отопления и жить в нем в целом опасно, но его выбирают из-за дешевизны. Если человек не может себе позволить даже такое место для жилья, то следующим этапом будет статус «без определенного места жительства».

2

Радостная (англ.).

3

Браки заключаются в суде.

4

Молодой вид спорта, сочетающий в себе элементы тенниса, бадминтона и настольного тенниса.

5

Какое дли-и-и-инное странное путешествие! (англ.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/garvin_eylin/muzyka-pchel

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить